

Эвений

АЛЛАРД

**НАЙТИ
БЕСОГОНА**

Евгений Аллард
Найти бесогона

«Издательские решения»

2015

Аллард Е.

Найти бесогона / Е. Аллард — «Издательские решения», 2015

Журналиста, который пишет о паранормальных явлениях, не пугают встречи с нечистой силой. Но, взявшись за очередное расследование, Олег представить не мог, что попадёт в эпицентр странных и опасных событий, где будет всё: полтергейст, убийства, призраки, смертельные шоу, посланцы Тьмы. И ко всему прочему вспыхнувшая страсть к актрисе, жене всемогущего режиссёра, которая сама является источником всяческих бед. Под силу ли обычному человеку выбраться из всех этих передряг живым?

© Аллард Е., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Найти бесогона

Евгений Аллард

© Евгений Аллард, 2015

© Мария Кольванова, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

«Форд» нёсся, мотая меня из стороны в сторону, подбрасывая на ухабах. Слившись в серо-зелёную стену, справа пронёсся лес. Слева открывался крутой обрыв, серебристая гладь реки. Дорога пошла под уклон, и, пытаясь вписаться в поворот, я нажал пару раз педаль тормоза, но нога провалилась, словно в пустоту. Крутанул руль, машина пошла юзом. Меня швырнуло о дверь, она распахнулась, и я вывалился наружу. Покатился вниз, больно ударяясь о камни, и лишь чудом зацепился за край обрыва. Попытался подтянуться на руках, но пальцы, оставляя глубокие борозды в комковатой сухой земле, лишь разрывали густо переплетённые между собой корни травы и я начал соскальзывать вниз. Рубашка противно взмокла от пота, прилипла к спине.

– Держись! – раздался голос, показавшийся очень знакомым.

Сильные руки подхватили меня под мышки, подтянули наверх. Я присел, хватая ртом воздух. Поднял глаза на спасителя и замер.

– Дед? Как ты здесь оказался?

Он подал мне руку, помог встать.

– Случайно, – коротко ответил он на удивление молодым голосом, не соответствующим внешнему виду. – Пошли, внучек, мёдом тебя угощу. Я как раз заготовил маленько. Попробуешь моего первого медку за это лето.

Какой тут к чёртовой матери мёд, когда ноги подгибаются и дрожат руки? Я подошёл к обрыву и осторожно взглянул вниз. Река спокойно катила свои воды, отливающие жарким серебром. И никакого намёка на мою машину. Неужели она так быстро утонула? Хотя ладно, чёрт с ней. Главное, что жив остался. Нахлынула удивительная безмятежность, словно сбросил с плеч тяжёлый груз.

– Ну, пошли, дедуля.

Увязая по щиколотку в пыли, покрывшей ботинки, как бархатом, мы пересекли просёлочную дорогу, двинулись по высокой, выше пояса, густой траве, прошитой белыми соцветьями тысячелистника. Я схватил пару корзинок, растёр между ладоней, ощутив потрясающе знакомый аромат. Душу залила волна радости, захотелось упасть в пышную зелень и беззаботно, как это делают дети, рассмеяться.

Мы прошли по широкой деревенской улице, залитой таким нещадным июльским солнцем, что глазам стало больно. Слышался лай собак, кудахтанье кур. Тяжело переставляя ноги, мимо проследовала полноватая женщина с эмалированным ведром. И я вдруг ощутил этот яркий сильный запах свежей колодезной воды.

В белой пыли нежилась дородная свинья, подставляя розовый бок солнцу. И мы остановились у забора, за которым возвышался добротный одноэтажный дом из красного кирпича под двухскатной крышей, крытой железом. Калитка, скрипнув, отворилась, пропустила на широкий двор, где пожилая женщина в белом сарафане и клеёнчатом фартуке рубила блёкло-зелёные кочаны на деревянном столе. За низкой загородкой сарая слышалось утробное хрюканье. Женщина подняла голову, ласково, нараспев произнесла:

– Олежек, как погулял, милый? Сейчас тебе молочка принесу. Парного. Как ты любишь.

– Отлично, бабуля! – воскликнул я, не узнав своего голоса, будто крикнул ребёнок.

Такой родной дом. Пронизанная яростным июльским солнцем горница. Дубовый стол в центре.

– Ну, вот попробуй, что я собрал за эти дни, – дед выставил передо мной несколько банок с густым янтарно-жёлтым содержимым. – Цветочный, гречишный.

Я снял плотную бумажную крышечку. Закружилась голова от тяжёлого душистого аромата. Захотелось запустить руку в банку и съесть все, до доньшка.

Дед сел напротив и усмехаясь в бороду, стал наблюдать за моими мучениями.

– Да ешь всё. Не последний.

Я схватил ложку, но тут кто-то сильно потряс меня за плечо. Я отмахнулся с досадой, как вдруг банка с мёдом стала таять, делаясь нереально прозрачной. Я поднял глаза. Фигура деда отдалилась, потускнела, словно он сидел за стеклянной стеной. И глаза в лучистых морщинках смотрели печально, и в то же время отстранённо, будто он вглядывался в собственную душу и уже не видел меня.

Я вздрогнул и открыл глаза. Надо мной склонилась худенькая молодая женщина в темно-синей форме стюардессы.

– Просыпайтесь. Просыпайтесь, – она приветливо улыбнулась. – Идём на посадку. Пристегните ремни.

Я ехал из аэропорта, бездумно рассматривая проносящийся мимо поток машин, вновь и вновь возвращаясь к странному видению. Дед умер двенадцать лет назад, когда я учился на втором курсе факультета журналистики МГУ. Не то, чтобы это случилось внезапно. Он долго болел, фронтовые раны давали о себе знать. Артиллеристом прошёл всю войну. Но всегда держался молодцом, помогал бабушке по хозяйству. Но для меня это стало настоящим ударом. Мы были очень дружны. Почему он привиделся мне? Да ещё вместе с бабушкой? Она ушла вслед за ним, угасла так быстро, что я не успел ещё прийти в себя от потери деда. Лежала в гробу с таким умиротворённым лицом, будто смерть для неё стала избавлением от чего-то мучительного.

Когда машина остановилась у грязно-белой облезлой девятиэтажки, я расплатился, вылез и направился к подъезду, на ходу доставая ключи.

– Олег! Олег! Подождите!

Рядом оказалась полноватая женщина средних лет. Миловидное, но уже немного оплывшее лицо покраснелось, из старомодной причёски выбились волосы.

– Вы Олег Верстовский? – спросила она, тяжело дыша.

– Верно. А что вам нужно?

– Я звонила вам. Екатерина Павловна Максимова. Помните? По мужу – Колесникова. Нам очень нужна ваша помощь. Михаил Иванович, ваш редактор, дал ваш адрес. Извините, я не вовремя, наверно.

– А почему вы не пришли в редакцию? – я не смог сдержать недовольства.

– Простите, мне так хотелось поговорить лично.

– Хорошо, пойдёмте, – я вздохнул и открыл дверь в подъезд.

Мы поднялись на лифте, и я провёл нежданную гостью на кухню моей холостяцкой берлоге, мучительно стараясь подавить чувство стыда за беспорядок.

– Кофе хотите?

– Спасибо.

Она присела бочком на стул и начала расстёгивать сумку.

– Вот, привезла наших гостинцев, – она выложила на стол коробки и черничным пирогом и конфетами.

Я достал с полки пару фарфоровых чашечек, разлил кофе и сел напротив гостьи.

– Хорошо. Екатерина Павловна, расскажите о вашем случае.

Она вынула из сумки папку, аккуратно выложила на стол.

– Посмотрите, что удалось собрать. Доказательства, что это не плод моего воображения.

Я открыл папку – на листах бумаги были аккуратно приклеены фотографии, с подписями от руки.

– Конечно, это выглядит, как детские шалости, глупости. Но поверьте, ни я, ни мой муж не способен на розыгрыши.

– А дети? У вас есть дети?

– Да. Старший Вадим, четырнадцать лет. Ирочка, пять лет. Но они не могли. Уверяю вас. Это ни на что не похоже.

– А что ещё, кроме надписей что-то было?

– Стуки, завывания. И призраки. Мы их видели несколько раз.

– И как они выглядели?

– Обычно, – она пожала плечами.

– Что это значит? – я впервые услышал, чтобы кто-то говорил, что призрак выглядит как обычно.

– Ну, так как описывают в легендах, мифах. Парящие над полом фигуры.

– Мужские или женские?

– Женские. Длинные, развевающиеся, будто от ветра волосы. В белом одеянии. Замогильный, неживой голос. Олег, мы очень устали от всего этого.

– А когда это началось?

– После того, как умер мой дядя, Он оставил нам дом, в котором мы живём теперь. Буквально через пару дней после похорон мы стали видеть надписи на стекле, зеркалах, перегорали сами собой лампочки, пробки, падала мебель. На телефоне вдруг сами собой набирались номера.

– Понятно. А скажите, никто не пытался купить ваш дом?

– Нет. Никто не обращался. Да мы бы и не смогли продать. Дядя очень болел в последнее время, мы продали квартиру, чтобы покупать лекарства, приглашать врачей. Нам просто негде жить. Олег, – её голос сорвался. – Вы прагматичный человек, Олег. Скептик. Дотошный. Всегда стараетесь докопаться до сути. Мы так надеемся, что вам удастся разобраться в этом. И вы не побоитесь.

– А вы уже обращались к кому-нибудь? Ну, скажем в общество по борьбе с полтергейстом?

– Да. Они приехали, расставили аппаратуру, – она тяжело вздохнула. – Что-то записывали, замеряли. Потом развели руками, и сказали: классический случай полтергейста. Но ничего поделать с этим они не могут. И уехали. Мы приглашали нашего местного экстрасенса. Но он даже не вошёл в дом. Остановился на пороге и объявил, что место проклято, и спасенья нам не будет. И ушёл. Олег, вы не могли бы... приехать к нам? Мы живём в большом доме, с удовольствием вас примем. Рядом красивый залив, сосновый бор...

– Я сейчас должен написать статью для журнала. Только из командировки вернулся. Недели через две освобожусь. И смогу приехать.

Она печально взглянула на меня.

– Да, я понимаю. Спасибо, что выслушали, Олег.

И направилась к двери. Я проводил взглядом её немного сутулую спину и мгновенно оказался рядом.

– Екатерина Павловна, я могу поехать прямо сейчас. Ну, если мой редактор отпустит меня.

Её лицо, будто осветилось изнутри светом.

– Он отпустит вас! Обязательно! Я с ним уже разговаривала. Мы оплатим вам билеты, предоставим хорошую комнату со всеми удобствами. Мы живём в тихом, спокойном городке. Туристов там почти не бывает.

На следующее утро я уже летел рейсом «Москва-Адлер». Но о деле моей неожиданной гостьи старался не думать. Пока не прибуду на место, не осмотрю, не поговорю с местными жителями, лучше не строить никаких предположений.

К нам в редакцию обращается множество болванов, которые рассказывают байки о призраках, вампирах, оборотнях. Большая часть этих рассказов – совершенный бред, сочинённый

или по пьяни, или в виде шутки, розыгрыша. Но мой редактор никогда в жизни не стал бы давать мой адрес проходимцу. Если главред поверил Екатерине, значит, её рассказ убедил его.

Но смущало присутствие в доме детей. Столько раз я встречался с «детским полтергейстом», что даже упоминание о маленьких разбойниках вызывало раздражение. У подростков гормоны бьют через край, им кажется, они – центр Вселенной. Знают всё и не желают никого слушать. Малейшее поползновение взять их под контроль приводит к таким «шалостям», что любой «шумный дух» умрёт от зависти.

Помню, как такой великовозрастный балбес додумался прикрепить за шкафом маленький молоточек на батарее, который в определённое время начинал постукивать о стену. Будто азбукой Морзе передавал откровение с того света. Мамаша отпрыска, увлечённая спиритизмом, пришла в восторг. Потом «барабашка» стал разливать кетчуп, черносмородиновое варенье. Любимая мамочка открывает дверцу полки, а там из щелей сочилась «кровь». Причём все это происходило без вмешательства человека, автоматически. Я быстро разоблачил маленького негодяя. Надеюсь, пару недель после этого, паршивец не мог даже присесть на пятую точку.

Под крылом лайнера показались маленькие домики, утопавшие в зелени и «самое синее в мире, Чёрное море моё». Выбравшись из аэропорта, я пошёл искать такси. Издалека увидел своеобразный южный народ рядом с «железными конями», явно побывавшими в сильных переделках, так что ехать на них порой было страшнее, чем лететь в самолёте.

Когда бомбилы разом бросились ко мне, я уж решил, что без проблем доберусь до места. Но не тут-то было. Как только они слышали, куда ехать, мгновенно теряли интерес, с лиц сползала фальшивая приветливая улыбка.

Так, или придётся идти пешком, или возвращаться в Москву. Потеряв всякую надежду, я прошёлся до последнего ряда. И обречённо бросил: «в Дальноморск поедете?» небритый сутулый мужичонка, встрепенулся и пробормотал:

– Сто.

– Ладно.

По дороге водитель был словоохотлив, рассказывал о своих родственниках, знакомых, проблемах на работе. Шоссе, врезаюсь в отвесную скалу, извивалось серо-стальной змейкой.

Когда на горизонте начала вырастать башня маяка, водила пробурчал:

– Ехать-то не боишься?

– А чего бояться?

– Знаешь, как называют это место? Бухта мертвецов, – произнёс он зловещим тоном.

– Во как. И что так круто?

– Утопленников в последнее время находить стали много.

– Туристы зенки зальют и тонут.

Шофёр быстро обернулся, в глазах промелькнул явный испуг, сменившийся на раздражение.

– Туристов здесь почти не бывает. Раньше много было. А сейчас совсем мало. Боятся.

– Чего бояться-то?

– Говорят, призраков.

– Ну, это потрясающе.

– Об этом месте легенда ходит, – не обращая внимания на моё недоверие, пробормотал таксист. – Лет двести назад здесь рыбацкая деревушка была. Так вот одна рыбацка завела себе любовничка – смотрителя маяка. И в тот момент, когда баркас с муженьком этой дамочки подходил к бухте, маяк-то и не зажётся. То ли бабонька решила со своим мужиком счёты свести, то ли они так увлеклись любовными утехами, и забылся смотритель. Судно о камни разбилось, все рыбаки потонули. Дамочка эта погибла. То ли её вдовы моряков задушили, то ли она сама

в море бросилась. Потому как совесть замучила. А зритель исчез. Будто испарился. Говорят, призрак его находится теперь на маяке. Ищет любовницу.

Таких «легенд» я наслушался сотни. В каждом приморском городке, где есть маяк, обязательно с ним связана какая-нибудь чертовщина.

– Ну вот, призраки погибших моряков бродят по городку и пугают всех. Наверно, и людей топят.

– А чего они именно в последнее время активизировались? Скучно стало?

– Зря не веришь, – проворчал таксист. – Поэтому сюда и не едет никто.

– А ты почему решил подвезти меня?

– Живу я здесь. На Озёрной, дом десять. В гости можешь зайти.

– Постараюсь.

– А ты сюда зачем? – бесцеремонно поинтересовался он.

– Друзья пригласили погостить. Колесниковы. Может, знаешь?

– Знаю. Мой дед покойный, знал бывшего хозяина. Константина Григорьевича. В гости захаживал. Хороший был мужик, не злой. Только в последнее время болел сильно. Его родственники ухаживали за ним. А теперь племянница с мужем там живёт.

– А про духов в этом доме слышал что-нибудь?

– Нет. Другое слышал. По улицам мотоциклист разъезжает. Ночью, – сообщил водила заговорщицки.

– Да. Страшно, аж жуть.

Он бросил на меня осуждающий взгляд:

– Без головы.

– Да эти байкеры все безбашенные. Носятся, как сумасшедшие.

– Призрак это. Ездит по городу. Вначале слышат только шум мотора, потом ближе, ближе. Подъезжает – на мотоцикле парень сидит, весь такой полупрозрачный, а головы у него нет. Мимо промчится и исчезает во тьме.

В стиле нового времени моторизованный всадник без головы, подумал я с усмешкой.

– Ну, если у вас столько всякой чертовщины, небось, журналисты толпами ездят?

Взгляд таксиста стал таким кислым, будто его заставили съесть целый лимон.

– Какие журналисты? – протянул он. – Они сейчас никуда не ездят. Дома сидят, пялятся в монитор, собирают всю информацию в интернете. У меня племянник – журналист. Так он мне говорит: дядя, я такую статейку замутил – закачаешься. Показывает. Я спрашиваю – и где фотки взял? А он мне так гордо отвечает – с тубика скачал и картинок надёргал. Знаешь, что это такое?

– Знаю, система в Интернете, где люди со всего мира выкладывают видеофайлы, – ответил я, подумав, что выгляжу с моими старомодными методами сбора информации совершенно по-идиотски. И свою профессию таксисту решил не называть. Почему-то стало стыдно. – А развлечься есть где-нибудь? – я решил сменить тему.

– Конечно, кинотеатры, лодочная станция. Катер на прокат можно взять. Или водный велосипед. Покататься. И даже 3D кинотеатр есть! – гордо добавил водила. – «Жемчужина» называется. Ну вот, почти приехали.

– Притормози здесь, – бросил я.

Я вышел на край обрыва, огляделся. В низине, повторяя линии и перепады рельефа, раскинулся маленький городок с белыми домиками из известняка, черепичными крышами. Сверху казалось, что клубы зелени жадно поглощают его, как джунгли.

Залив, сверкающий синим зеркалом воды, ограничивала почти безупречной формы подкова из заросших густым лесом скалистых гор. Солнце над горизонтом осветило облака розово-жёлтыми всполохами. На голубом полотне неба мягкими линиями прорисовывался

старинный каменный маяк конусообразной формы с «фонарём», окружённым низким балкончиком.

– Красиво? – услышал я голос таксиста.

По его довольному выражению лица понял, что он гордится этим великолепием.

Я сделал несколько панорамных снимков. И минут через десять мы въезжали в городок. Проехали узкие кривые улочки, вымощенные брусчаткой. Машина свернула в переулок и остановилась.

– Приехали. Озёрная, дом пять.

Подхватив чемодан, я подошёл к забору из красного кирпича. За ним возвышался двухэтажный с высокими узкими окнами дом. Фасад облицован известняком, конусообразная черепичная крыша, терраса. Перед домом проложены дорожки в окружении редкого кустарника и клумб. Большую часть двора занимала детская площадка из качелей, горки, деревянного расписного теремка, карусели, песочницы, длинного поезда с вагончиками, выкрашенными голубой краской и паровоза.

Неплохой домик. Понятно, кто-то очень хочет выжить хозяев отсюда.

Быстро взлетел по ступенькам, позвонил. Когда дверь приоткрылась, я увидел невысокого плотного мужчину средних лет с длинным вытянутым лицом, тёмными, коротко постриженными волосами с проседью на висках.

– Чего надо? – неожиданно грубо спросил он.

– Олег Верстовский. Приехал из Москвы по вашей просьбе. По поводу полтергейста.

– Мы никого не приглашали, – буркнул он и захлопнул перед моим носом дверь.

Черт возьми! Тащился в такую даль, чтобы получить от ворот поворот?

Покачав головой, спустился с крыльца и медленно пошёл по дорожке. Вышел на улицу, вытащил сигареты. Послышался громкий скрежет, будто что-то тяжёлое волокли по асфальту. Посредине улочки открылся канализационный люк, вылез худощавый, сгорбленный старичок в потёртом, но вполне чистом плаще. Аккуратно прикрыл люк и, сгорбившись, направился на другую сторону улицы – туда, где стояли контейнеры с мусором. Ну, ничего себе. В канализации человек живёт? Дожили.

– Олег! – услышал я мелодичный голос Екатерины Павловны, она почти бежала ко мне. – Извините нас, – смущённо проговорила она. – Проходите в дом. Мы вас ждём. Муж не понял, что это вы. Мы думали, вы позвоните из аэропорта.

Я облегчённо вздохнул и пошёл вслед за ней. Подозрительность главы дома меня не встревожила, заинтриговала. Так же, как и старичок, вылезший из канализации.

Глава 2

Я открыл глаза и замер. Над головой торчал длинный, отливающий сталью клинок с изящной перламутровой ручкой. Я отвернул одеяло, проверив, не лежит ли рядом сгнивший скелет или отрубленная голова. Слава Богу, с этим обошлось. Выполз из-под одеяла, вытащил фотокамеру, сделал пару снимков, и внимательно осмотрел смертоносное оружие. Тот, кто смог так глубоко воткнуть нож в резную спинку, явно был сильным человеком, скорее всего, взрослый мужчина. Значит, сын хозяев исключается. Глава дома? Он чрезвычайно неласково встретил меня вчера. Но как он смог незаметно войти в мою комнату? Проверил замок – дверь заперта. И хотя сплю я крепко, но все равно услышал бы, если кто-нибудь ночью попытался открыть замок. Осмотрел комнату, тихонько простукивая стены, нет ли там полости, откуда мог появиться злоумышленник. Но не нашёл ничего подозрительного. Я услышал деликатный стук в дверь и голос хозяйки:

– Вы проснулись, Олег? – послышался голос хозяйки. – С добрым утром. Через полчаса можете позавтракать с нами.

– Спасибо, Екатерина Павловна.

Какое к черту доброе утро? Мне дали понять, что здесь я – лишний.

Я спустился в маленькую кухню, которая располагалась на первом этаже. За овальным столом восседал глава семейства, Сергей Владимирович, рядом двое детей. Старший – Вадим, рослый парень, выглядевший старше своих четырнадцати лет, с короткой стрижкой тёмных волос и карими глазами. И маленькая хрупкая девочка с большими небесно-голубыми глазками, пухлыми губками, и светлыми волосами, заплетёнными в косички.

Хозяйка приготовила яичную запеканку с овощами и грибами, очень вкусную. Я уплетал за обе щеки, но не забывал краем глаза наблюдать за выражением лица хозяина. Огорчён он или нет тем фактом, что физиономия его гостя цела?

– Ничего подозрительного ночью не произошло? – спросил я.

– Нет, слава Богу, – ответила быстро Екатерина.

– Если вы не возражаете, я бы хотел после завтрака осмотреть дом, – осторожно начал я.

– Зачем? – хмуро проворчал Сергей, не поднимая глаз от тарелки.

– Хочу проверить, нет ли в стенах потайных мест, где может прятаться злоумышленник, – разъяснил я спокойно.

– Насмотрелись фильмов ужасов, – глава семейства бросил саркастический взгляд. – Это обычный дом. Построили его совсем недавно, лет десять назад.

– Извините, я бы все равно хотел.

– Да смотрите. Все равно ничего не найдёте. Только время потеряете. Честно скажу, я был против решения жены приглашать репортёра к нам. Это наше личное дело.

– Я могу уехать. Если моё присутствие вам мешает...

– Ну что вы, Олег, – вмешалась Екатерина. – Не обижайтесь. Мы так намучились, нервы на пределе. Не обращайтесь внимания. Я вам советую прогуляться по городу. Посетите дендрарий. Я преподаю ботанику в лицее, вожу туда детей на экскурсии. Конечно, он уступает сочинскому. Но все равно производит сильное впечатление.

– Обязательно схожу. Спасибо. Хотел также осмотреть ваш старинный маяк. Говорят, с ним связана легенда о призраках. Мне хотелось собрать информацию. Вы что-то знаете об этом? О погибших рыбаках?

Екатерина замешкалась, отвела глаза и через паузу пробормотала:

– Да, я слышала об этом. Правда, немного. И не уверена, что это – правда. Вы можете посмотреть в архивах нашей библиотеки.

– В городской библиотеке есть материалы двухсотлетней давности? – изумился я.

– Да, в нашем городе проживал человек, который собирал материалы об истории этой местности. После его смерти все было передано в библиотеку.

– Но такие редкости вряд ли мне предоставят, – засомневался я.

– Сергей, ты не мог бы позвонить директору библиотеки и попросить? – сказала Екатерина, и пояснила: мой муж – директор лицея.

Сергей метнул взгляд, и хмуро пробурчал:

– Хорошо, я постараюсь.

После завтрака я отправился осматривать дом, несмотря на косые взгляды, которые бросал на меня глава семейства. Таскался за мной следом, как тень. Я все время наткнулся на него, а он делал вид, что оказался здесь совершенно случайно.

Дом состоял из двух этажей, погреба и чердака. На нижнем уровне располагалась кухня, спальня хозяев, комнаты для детей, и широкая терраса. На верхнем этаже находились комнаты для гостей, в одной из которых меня и поселили. В коридоре, куда выходили двери комнат, имелся выход на балкон, откуда открывался дивный вид на город.

Я попытался простучать стены, не заставленные мебелью. Но, несмотря на то, что их толщина вызвала подозрительность, не смог найти ничего, что свидетельствовало бы о том, что там есть потайной ход.

В подвале весь пол был завален ржавыми железками. К одной из стен примыкал стеллаж, на полках которого тоже валялась куча барахла. За ним я обнаружил металлическую дверь. Плотную закрытую. Просить открыть её Сергея, и так настроенного ко мне враждебно, я не стал. Впрочем, скорее всего этой дверью никто не пользовался. Отодвигать стеллаж каждый раз было бы затруднительно.

На чердаке обнаружил массу антикварной мебели: сервант, секретер на гнутых ножках с резными, декоративными вставками. Из порванной в нескольких местах обивки кресла из светло-серого, блестящего шелка в розочках торчали пружины и набивка. Почему хозяева не выкинули этот хлам? Может быть, хранят, как память о дяде.

Слуховое окно выходило на глухой двор с сараем, ворота которого закрывала массивная, стальная балка с огромным амбарным замком. Я спустился вниз и попытался заглянуть в маленькие окошки.

– И что вы здесь-то рыщете? – услышал я грубый голос.

Глава семьи стоял за моей спиной, его лицо выражало нескрываемое раздражение.

– Я уже сказал, хочу все осмотреть, – как можно любезнее объяснил я.

– И что вы здесь собираетесь найти? Подземный ход в Китай? – издевательски спросил он. – Не суйте нос не в своё дело. Так будет лучше для вас.

– Если бы я не совал нос, никогда не смог бы найти интересный материал.

– Вот в этом и все дело! Для вас главное – найти сенсационный материал! Устроить скандал! Вот за что, я ненавижу журналистов, – прошипел он мне прямо в лицо.

– Думаю, вы не одиноки в своих чувствах. Но в истории, которую рассказала ваша жена, не было ничего сенсационного. Слышал рассказы и похлеще. Меня подкупила искренность и обеспокоенность вашей жены за семью. Именно поэтому я приехал. Чтобы помочь. У меня большой опыт борьбы с этой чертовщиной.

– Мы сами прекрасно справимся, – он зло сощурился. – И будет гораздо лучше, если вы соберёте ваши манатки и поскорее уберётесь отсюда!

– Это приказ или предложение? – уточнил я спокойно.

– Пока предложение. Вы знаете, как называется это место?

– Знаю. Бухта мертвецов.

– Вот именно! И если вы не уберётесь отсюда, то вскоре пополните их ряды.

– Если уеду после таких красочных запугиваний, то буду последним идиотом, – проронил я саркастически. – Теперь я просто обязан выяснить, что же мне так сильно угрожает.

Сергей презрительно хмыкнул и удалился.

Я вернулся в дом, зашёл на кухню и увидел Екатерину, которая что-то готовила на плите.

– Что-нибудь нашли? – вежливо поинтересовалась она, помешивая деревянной ложкой в кастрюле, из которой восхитительно пахло.

– Нет, – ответил я, сел за стол и начал задумчиво крутить в руках солонку. – Скажите, Екатерина Павловна, может мне уехать? Или снять комнату в городе? Ваш муж не очень доволен, что я живу у вас.

Она резко обернулась.

– Олег, этот дом принадлежит мне, – жёстко сказала она. – Я получила его в наследство от дяди. Я позвала вас сюда, а не мой муж.

– Тогда... Может быть, никаких приведений-то и нет? – вдруг сказал я, изучая пристально лицо собеседницы.

– Есть. Вы их увидите, – она горько усмехнулась моему недоверию. – Когда это началось, то походило на детские шалости. Мы думали, Вадик балуется. Но Сергей почему-то очень испугался. Стал уговаривать меня уехать из этого дома. Даже из города. Хочу понять, что так напугало его. И если понадобится, заплачу вам за расследование. Все, что в моих силах.

– В этом не никакой необходимости. Я сам заинтересовался. И знаете, я просто обязан раскрыть эту тайну. Вы пытались узнать у мужа, чем он так встревожен?

– Да, пару раз заводила разговор, но он отвечал уклончиво. Объяснял, что просто боится за нас.

Я вздохнул, копаться в прошлом главы семейства сильно не хотелось. Но, видимо, разгадка этой тайны скрывалась именно в этом.

– Вы не возражаете, если я в город съезжу? Хочу посмотреть маяк, дендрарий.

– Конечно-конечно. Но обязательно возвращайтесь к обеду. Будет жаркое из свинины и борщ.

– Вряд ли успею, – сказал я с искренним сожалением. – Пообедаю в городе. Скажите, на каком транспорте я могу добраться до берега?

– Лучше всего на трамвае «Т», это круговой маршрут, по всему городу. Можете увидеть все достопримечательности и попадёте как раз к заливу. Десять минут ходьбы от остановки.

Я поднялся в комнату, сложил в кофр фотокамеру, пару объективов, вспышку и через десять минут уже стоял на трамвайной остановке. Великолепная погода, ясное, нежаркое утро, чистый, прозрачный воздух делал предметы удивительно чёткими и резкими. Разносились волны ароматов цветущих каштанов и лип. Я услышал издали перезвон и через пару минут рядом остановился голубой трамвайчик. В салоне затерялось всего несколько пассажиров, несмотря на курортный сезон, туристов действительно было очень мало.

Усевшись у окна, стал рассматривать пейзаж: белые домики, стройные ряды кипарисов, столбы с объявлениями. Люди входили и выходили. Краем глаза заметил нового пассажира, который явно выделялся своей оригинальностью – широкоплечий, коренастый, бледное лицо, окладистая борода, растрёпанные волосы цвета воронового крыла, пронзительные, близко посаженные глаза под кустистыми бровями, чёрная рубаха, сверху кожаный жилет. Он вошёл в салон, огляделся и тут же решительно направился ко мне. Устроившись напротив, важно спросил глухим басом:

– Не боишься?

– Кого? Тебя что ли? – я бросил на него насмешливый взгляд.

– Меня? Меня, зачем бояться-то? Судьбы! Знаешь, что тебя ждёт впереди? Тебе предстоят страшные испытания. Ты должен сделать правильный выбор, чтобы остаться в живых!

– Тебя Колесников послал?

– Кто? – он свёл вместе щетинистые брови.

– Сергей Колесников. Директор школы... тьфу, то есть лица.

– Не знаю никакого Колесникова, – бросил он. – Ты летишь в пропасть, – продолжил он.

– Ясновидец, – протянул я саркастически. – Ладно, я лечу в пропасть, а ты вылетаешь на следующей остановке. Этого хватит на бутылку? – я вытащил из кармана две сотни.

Его лицо перекивилось, и он брезгливо отвёл глаза. Потом вновь повернулся, мурашки побежали по коже, когда увидел его безумный, пристальный взгляд, просвечивающий меня насквозь.

– Каждый человек в какой-то момент жизни оказывается на распутье. И выбирает дальнейший путь. И от того, что он выберет, зависит не только, как пойдёт его жизнь дальше. Он может выбрать путь, в конце которого его будет поджидать смерть, прямо за поворотом.

Мне надоело слушать этот бред. Везёт мне на сумасшедших. Может лицо у меня такое?

Встал, чтобы выйти на остановке и пересест на другой трамвай. Юродивый оказался рядом, с укоризной посмотрел на меня.

– Зря не веришь. Сам убедишься, – пробурчал он и отошёл в конец салона.

Я вернулся к окну. От разговора осталась муть в душе. Сергей мог нанять этого мужика, чтобы погугать меня. Но может быть, я зря волнуюсь и это местный юродивый.

Показался залив, и башня маяка на фоне лазоревого полотна неба. Я вылез из трамвая и направился к берегу. Остановился, чтобы полюбоваться тёмно-синим зеркалом в обрамлении высоких гор. Где-то на горизонте заметил большое судно. Двадцатикратного увеличения объектива фотокамеры хватило, чтобы хорошенько рассмотреть объект – роскошную трёхпалубную яхту. Может и похуже, чем у Абрамовича, но все равно поражающую воображение.

Прошёл по каменистому пляжу, заваленному большими валунами. Отдыхающих было совсем мало. Никто не обращал на меня внимания. Сделав несколько панорамных снимков, направился к горе, на вершине которой виднелся маяк. Казалось, он был совсем рядом, рукой подать, но впечатление оказалось обманчивым. Я безумно устал, пока взобрался по каменистой тропке. Подошёл к двери, потянул ручку и о, радость, она со скрипом отворилась.

Я оказался в основании маяка. Прилепившись к стене, испещрённой грязными потоками воды, вверх шла очень узкая лестница, с крутыми, истёртыми от времени ступеньками. Я начал осторожно подниматься, стараясь не глядеть вниз, у лестницы не было перил, только небольшой бортик. Спланировать вниз носом можно было очень легко.

Уже добрался почти до вершины, как обнаружил вход на балкон. Дикий порыв ветра чуть не сбил с ног, когда я вышел наружу.

Отсюда открывался потрясающий воображение вид, так что дух захватило. Внизу плескалось море, совсем другое, чем видно с земли, иссиня-чёрное. Установив камеру на штатив, сделал несколько снимков города, моря, густого леса, высоких пиков гор.

И уже собирался покинуть это место, как услышал чей-то голос по рации, идущий из помещения маяка:

– «Крепость», «Крепость», я – «Ракета». Даёте добро? У меня тушки остывают.

– Я – «Крепость», даю добро. Приземляйтесь. Давно ждём. Сколько у вас там?

– Двадцать семь голов! Как с куста! – ответил голос и коротко рассмеялся.

– Неплохо.

Донёсся быстро нарастающий гул мотора. Над горизонтом появилась точка, которая быстро увеличивалась в размерах, пока не превратилась в массивный тёмно-зелёный вертолёт. Он летел довольно медленно, на тросе был прикреплен большой контейнер, выкрашенный красно-коричневой краской. Я сделал пару снимков, когда он приблизился, через видоискатель камеры удалось даже разглядеть лицо пилота в кабине. Зависнув над горной грядой, вертолёт

начал медленно спускаться и исчез из виду. Через минут десять вновь поднялся, но уже без контейнера. Теперь ему ничего не мешало, и стремительно набрав высоту, он быстро растворился в небесной голубизне.

– Ну ладно, – услышал я голос. – Пойдём пожрём что ли.

– Да, пойдём, – ответил лениво второй, громко зевнув. – Торчать на этой хрени из-за десяти минут, просто скотство.

Я упал на бетонный пол, вжавшись в угол. Вдруг им захочется избавиться от свидетеля? Спихнут вниз, и поминай, как звали, только мокрое место останется. Я услышал тяжёлые, шаркающие шаги. И когда всё стихло, выбрался с балкона, и решил подняться в служебное помещение и всё там осмотреть.

Лестница закончилась узким лазом в каменном полу, ведущим вёл в круглую комнату. По стенам шли экраны, на которых быстро менялось изображение. Полукругом располагался громоздкий пульт управления, выкрашенный серо-стальной краской с множеством кнопочек, ручек, тумблеров. Рядом с ним стояло два стула.

На стене обнаружил круглые часы с циферблатом, расчерченным цветными секторами с надписью: «Сделано в СССР», и отливающий тусклой медью обтекаемой формы ящик с длинной цепью, грузиком и деревянной ручкой. К потолку был прикреплен причудливый механизм из несколько блестящих линз, круга с резьбой и прожектора. Часть стеклянных панелей были зашторены, часть – открыта. Маяк-то оказался действующим.

Всё осмотрев, осторожно спустился вниз и выскользнул из двери. Кажется, никто не заметил меня.

Вернувшись на пляж, прошёлся в обратную сторону от маяка и остановился у входа в грот. Потолок нависал почти над головой, и пару раз я едва не стукнулся о торчащий камень.

Повсюду был разбросаны жестяные банки из-под пива, осколки бутылок, засохшие водоросли, и мерзко воняло. Я сделал пару снимков со вспышкой и вдруг обнаружил в углу большой куль с тряпьем.

Призрачный свет фонарика выхватил из тьмы фигуру. Человек лежал на боку, поджав ноги. Присев рядом, попытался нащупать пульс. Мужчина лет сорока, тёмные волосы, вытянутое лицо с выпуклыми скулами под глазными впадинами, крупный прямой нос, лоб, будто сдавленный над бровями, резко очерченная линия рта с пухлыми губами, округлый безвольный подбородок. Чёрт, да это же!

Я выскочил наружу и позвонил: «02». Никто не хотел брать трубку так долго, что я начал терять терпение. Вдруг что-то щёлкнуло, послышался ленивый голос:

– Сержант Коваленков слушает.

– Я труп нашёл. В гроте на берегу, – сказал я.

– Ах, как интересно, – сказал дежурный с ехидцей. – И чей труп?

– Мужской, – ответил я коротко, решив не вдаваться в лишние подробности.

– И давно он там лежит?

– Откуда я знаю?! – разозлился я.

Дежурному явно было нечего делать, он просто развлекался.

– Как зовут?

– Кого? Труп?!

– Вас, конечно.

– Верстовский, Олег Янович. Приезжайте, чёрт возьми! По-моему, его убили.

– Не волнуйтесь. Главное, чтобы убили не вы, – показалось, что на другом конце провода хихикнули.

Я матерно выругался.

– Хорошо. Сейчас приедет наряд, – сказал дежурный другим, строго официальным тоном. – Олег Янович, подождите нашу группу. И ничего не трогайте!

Я вышел наружу, сел на берегу, ощутив, как безумно вымотался. Ссора с Колесниковым, мужик этот сумасшедший в трамвае, маяк, вертолёт с «тушками», да ещё труп. Замечательно. Вернулся в грот, всё тщательно сфотографировал. Хрен его знает, будут ли наши бравые сыщики расследовать это убийство.

Рядом с трупом что-то тускло блеснуло, я поднял предмет – запонка, дорогая, отделанная блестящими камешками, сильно погнулась. Я машинально сунул её в карман.

Просидел на берегу ещё полчаса, кидая в море плоские голыши. Настроение испортилось, я потерял всякий интерес к красотам природы.

Наконец, я заметил с облегчением троих ментов, направлявшихся в мою сторону.

– Майор Палецкий, – представился пожилой, коренастый мужчина с круглым лицом, глазками, утопленными в толстых щеках, и выступающим подбородком с ямкой. – Это вы тело нашли? Ваши документы.

Я достал паспорт, без которого никогда не выхожу, после нескольких неприятных историй. Майор полистал, увидел регистрацию и поднял глаза, в которых светилась явная подозрительность.

– Где проживаете? – спросил он.

– Озёрная, дом пять. У Колесниковых. Приехал к ним погостить, – объяснил я.

– Давно приехали?

– Вчера, – коротко ответил я.

На лице майора отразилось явное разочарование. Наверно, он очень сожалел, что не может меня посадить в кутузку за то, что я не зарегистрировался по месту временного проживания. Как в приснопамятные советские времена.

– А что здесь делали? – поинтересовался он.

– Живописные красоты фотографировал, – пояснил я, про маяк с вертолётom, конечно, рассказывать я не собирался.

– А в пещеру-то залезли почему? – не отставал майор, явно не довольный, что я прибавил ему работы.

Я тяжело вздохнул, подумав, что наши граждане жутко не хотят иметь дело с полицией из-за подобных идиотских расспросов. По выражению лица майора я понял, он безумно хотел бы избавиться от меня, как от свидетеля и засунуть свежий труп куда-нибудь подальше.

– Люблю пещеры исследовать. Зашёл поглядеть, может, там сундук с золотом найду.

Майор смерил меня злобным взглядом, будто обдумывая, стоит ли волочить нахала в ментовку и выбивать признания в убийстве ударами по почкам или нет.

– Вы можете нам понадобиться, – наконец он отдал паспорт. – Дадите показания.

Я вернулся в город на трамвае, вышел на остановке, где располагался дендрарий, но ощутил, как у меня подвело живот от голода. Напротив арочного входа увидел кафе с симпатичной вывеской, нашёл свободное местечко и удобно там расположился с куском жареного мяса с гарниром и кружкой тёмного пива.

Сбоку сидело двоих мужчин, привлекавших внимание карикатурной непохожестью. Толстый оплывший коротыш с абсолютно лысой головой, которая лежала на плечах, как арбуз на блюде, маленькими, близко посаженными глазками с мешками, слоновьими ушами, седыми, редкими усами: носом, приплюснутым у переносицы и огромной блямбой, похожей на грушу, в конце. Второй выглядел его полной противоположностью – поджарый, долговязый молодой человек, склонившийся над столом, как стрелка крана, с рыжеватой бородой, засаленными патлами, собранными в жидкий пучок, скреплённый аптекарской резинкой, голубыми, испу-

ганными глазами и нервными руками, которые он не знал куда деть. Коротыш в ярости отчитывал молодого человека, колотя по столику волосатым пальцем, толстым, как сарделька.

– Лившиц, если ты не отыщешь мне этого говнюка, считай, что больше у меня не работаешь! Ещё один день и мы вылетаем в трубу. Ты понял?

– Где я найду его? – пролепетал молодой человек.

– Господи... (дальше шёл трёхэтажный мат) да наверняка сидит в казино. Я же знаю его. Он игрок, астрономические суммы просаживает. Обойди все казино, выдерни его оттуда!

– Да нет в этом городишке казино, – жалобно проблеял парень. – Я проверял.

– Ну, в борделе! Твою мать, Лившиц, какого дьявола я взял тебя! Не можешь элементарных вещей сделать! Ты второй или хрен собачий?! Сколько раз я тебе говорил: ты должен контролировать работу всей группы! – по слогам отчеканил лысый толстяк. – Всей! Это твоя прямая обязанность!

– Ну что же мне, все бордели обыскивать? – воскликнул в отчаянье Лившиц.

– Боже, боже. Иисусе. Зачем я связался с этими говнюками, тупыми ублюдками, мерзавцами, – коротыш начал качаться из стороны в сторону, как китайский болванчик. – За что меня покарала боги. Лившиц, найди мне Северцева! Хоть из-под земли достань! Ты понял?! – остановив покачивания, завопил он.

– Может нам другого актёра подыскать, Давид Григорьевич? Переснимем пару сцен, – пробормотал, заикаясь, Лифшиц.

– Я шестьдесят четыре года Давид Григорьевич! – завизжал коротыш. – Ты знаешь... (дальше опять шёл семиэтажный мат) сколько будет стоить новый актёр? Мне! Я что, по-твоему, бабки рожаю?! А во сколько мне обходятся эти пьянки-гулянки Северцева и всех остальных? Знаешь?!

– Найду его. Обязательно, – еле слышно выдавил Лифшиц.

Я не спеша доел бифштекс, посетовав, что пришлось давиться гадостью, а не лакомиться изумительной жареной свининой, которую приготовила на обед Екатерина Павловна, встал и театрально возник около столика, за которым сидело двое комичных персонажей.

– Вам не стоит искать Северцева, – произнёс я спокойно. – Он умер. Я нашёл его труп в пещере на берегу. Позвоните в местное отделение полиции.

И с удовольствием понаблюдая за реакцией обоих собеседников. Молодой человек замер, побледнел, и на вытянувшемся лице отразился нескрываемый ужас. Коротыш набычился и бросил искоса злобный взгляд.

Довольный произведённым эффектом, я вышел из кафе и направился к входу в дендрарий. Но тут поджидал чудовищный облом.

– Кино снимают, – услышал я надтреснутый старческий голос за спиной. – Почитай второй день уже. Вот и закрыто для посещения.

Я обнаружил маленькую тошенькую особу с лицом, похожим на печёное яблоко, одетую в архаичное платье. На голове красовалась кокетливая шляпка с вуалью, в руках – кружевной зонтик.

– А кто снимает? – заинтересованно спросил я.

– Откуда ж мне знать-то? – удивилась старушенция.

– Я думал, вы тоже снимаетесь, – объяснил я.

– Да. В массовке, – она поправила шляпку. – По двести пятьдесят рублей платют. Какая-никакая прибавка к пенсии.

Я лишь скрипнул зубами от досады. День прошёл впустую.

Глава 3

– Ну как нравится? – спросила Екатерина Павловна.

– Да, очень вкусно, – ответил я совершенно искренне.

После облома с дендрарием я вернулся домой, успел к ужину и теперь наслаждался яствами, которые приготовила хозяйка.

– Как прошёл день? – спросила она, накладывая мне ещё салата.

– Нормально. Много времени потерял. Пока полицию ждал, – ляпнул я, и осёкся, ругая себя за длинный язык.

– Полицию? – Сергей удосужился поднять от тарелки глаза. – А зачем вы её ждали?

– Нашёл тело в пещере. На берегу. Они ехали очень долго, будто из Австралии.

– Утопленник?

– Вряд ли.

– Выяснили, кто это? – спросила Екатерина.

– Да. Актёр Григорий Северцев. Снимался здесь, в вашем городе. Пропал пару дней назад.

– Северцев? Как жалко, – голос хозяйки дрогнул. – Такой хороший актёр. Что же случилось, вы не поняли, Олег?

– Нет, – на этот раз мне удалось соврать.

– Теперь у вас появился сенсационный материал, – хмыкнул Сергей. – Можете заняться частным расследованием.

– Не собираюсь этого делать.

– Сергей, ты позвонил заведующей библиотекой по поводу материалов, связанных с историей маяка? – Екатерина решила увести разговор в сторону. – Чтобы Олег мог получить доступ?

– Нет, не успел.

Хотел сказать, что в этом нет необходимости, потому что на маяке нет никаких привидений, а есть вполне живые люди, которые занимаются странным делом. Но прикусил язык.

Я уже собрался выйти из-за стола, как услышал странный шум. Поднял глаза и обмер. Люстра мерно раскачивалась из стороны в сторону, как маятник, в серванте блюда, чашки начали дребезжать, подсакивая на полках.

– Землетрясение? – спросил я

Екатерина покачала головой и вскрикнула:

– Дети, быстро на улицу!

Вадим схватил Ирочку и бросился к двери.

По косяку, будто по бикфордову шнуру весело пробежал ослепительно яркий огонёк, дверь вспыхнула, как факел. Из стыков стен, плинтуса, карниза одновременно вырвались языки пламени, расчертив поверхность на пылающие квадраты.

Екатерина, не растерявшись, вытащила пару одеял, сунув одно из них мне в руки. Дверцы серванта сами собой открылись, начала вылетать посуда и разбиваться о стены с жалобным звоном, усыпав пол мелкими осколками. Стол и стулья хаотично задвигались, подпрыгивая на месте.

Мы с Екатериной метались по кухне, пытаюсь усмирить огненное чудовище. А Сергей, уставившись в одну точку, замер в круге пляшущих языков пламени. На его лице светилось обречённое выражение, будто он смирился с тем, что пришёл последний час. Вакханалия продолжалась буквально пару минут, потом огонь сам собой начал слабеть, затухать, исчез, как будто его и не было. Осколки посуды засыпали пол.

Я уже вздохнул с облегчением, но тут погас свет.

Через мгновение, заметив тусклое свечение, я решил, что Екатерина включила фонарик. Но тут же понял, что ошибся – из сияющего круга в углу кухни начала медленно подниматься полупрозрачная фигура. Хрупкая девушка в длинном белом одеянии с развевающимися волосами парила над полом. Бледное лицо с тёмными кругами под глазами. Молниеносно оказался рядом, протянул руку, чтобы потрогать. Но нехилый удар свалил с ног.

Вскочив, я вытащил из кармана пиджака мобильник и навёл камеру на неожиданную гостью, чтобы запечатлеть для истории. Но тут аппарат вырвался из рук и с грохотом шваркнулся о стену с такой силой, что разлетелся на отдельные детали. Твою мать! Тыща баксов коту под хвост!

– Боже, как я страдаю. Как я страдаю! – пробормотал призрак замогильным, неживым голосом. Если бы знали, как!

Она вдруг схватилась за горло, начала задыхаться, хрипеть, будто её душили. И обвисла, как марионетка на ниточках. Провисев так пару секунд, фигура начала терять контуры и растаяла.

Оглядев разгром, устроенный этой чертовщиной, я покачал головой и поинтересовался:

– Где у вас силовой щит?

– Внизу лестницы, в подвале, возьмите фонарик. Осторожно, Олег, – объяснила Екатерина, открыла ящик стола, достав целую коробку с пробками.

Ждать помощи от Сергея, по-прежнему сидевшего с отрешённым лицом, не имело смысла.

Спустившись в подвал, я открыл панель, осветил фонариком. Вывернул одну пробку, другую. Перегорело все. Почему бы им не поставить автоматы? Мучаются с дурацкими пробками. Восстановив освещение, вернулся в кухню.

Екатерина подметала пол. Я бросил взгляд на Сергея, который сгорбившись, будто под тяжёлой ношей, сидел за столом, бессильно опустив голову и руки. В душе шевельнулась жалость, несмотря на его враждебное отношение ко мне.

Я обошёл кухню, проверил дверь, стены, нет ли там отверстий. Плинтус очень плотно прилегал к полу, косяк двери тоже был сделан на совесть. Самое интересное, огонь не оставил никаких следов – ни сажи, ни копоти, ни обугленного или сожжённого дерева. Будто языки пламени были призрачными.

Я зверски устал, провозившись до полуночи. И решил отправиться спать.

Приняв душ, вышел из ванны, упал носом в подушку. Но стоило закрыть глаза, как сон мгновенно испарился. Лёг на спину, уставившись в потолок.

Перед мысленным взором начали вспыхивать осколки прошедшего дня. Сумасшедший «ясновидец», стальная «птица» со странным контейнером, покойник, полиция, двое карикатурных персонажей за столом и призрак. Я ворочался с боку на бок, пытался считать баранов, верблюдов в пустыне, петь себе колыбельные, рассказывать сказки. Ничего не помогало.

Не выдержав, встал и вышел на балкон.

Отсюда был хорошо виден маяк и чернеющий провал залива между отрогами гор. На берегу горели фонари, отбрасывая на воду дорожки из тусклого серебра.

Через пару минут над водой начали скапливаться клубы переливающегося неярким светом тумана. Они поднимались выше и выше.

Как замороженный я следил за миражом, который приобрёл чёткие контуры зданий, выстроившихся, будто по росту и гармонично сходящихся в центре в одной, самой высокой башне с длинным шпилем. Кинулся в свою комнату, вытащил камеру. Буквально через мгновение вновь очутился на балконе, но к моему разочарованию прекрасное видение исчезло, распавшись на клубы тумана, который через пару минут растаял, оставив лишь голубоватую дымку.

Лишь под утро удалось задремать. И когда открыл глаза, бросил быстрый взгляд на спинку кровати. Пусто. На этот раз на мою жизнь никто не покушался.

После завтрака все-таки решил пойти в библиотеку. Истории о погибших рыбаках меня больше не волновала. Решил узнать больше о жизни директора лицея. Явившийся вчера вечером призрак женщины хотел сообщить, что её задушили, или она сама покончила с собой – повесилась. А судя по поведению Сергея, это как-то связано с ним, с его прошлым.

От Екатерины я узнал, что библиотека находится совсем рядом от их дома, и решил добраться туда пешком. Но оказавшись на улице, в конце которой виднелось здание, с сожалением обнаружил, что киношники опять меня опередили.

И теперь что-то снимали на фоне причудливого фасада, украшенного лепниной, резным орнаментом. Высокие узкие окна обрамлял растительный декор, внутрь вела широкая мраморная лестница, огромные колонны высотой в три этажа поддерживали карниз треугольной формы.

Перед зданием стоял спортивный ретромобиль начала века. Именно эта штука и заставила подойти ближе, смешавшись с толпой зевак, которые скопились в огромном количестве, чтобы поглазеть на съёмки.

На площадке царил суета, кто-то бегал, что-то требовал, слышались вопли, матерные ругательства. Я осторожно протиснулся туда, где стояла экзотическая тачка – «Кадиллак» с кузовом, отделанным красным деревом, родстер, то есть на два места – соответственно для водителя и пассажира.

Кожух над двигателем был поднят и в нем копался сутулый мужик в кожаной куртке и шлеме. Рядом стоял тот самый долговязый парень, которого отчитывал толстяк в кафе. Из его ругательств можно было извлечь информацию, если дурацкая тачка не заведётся, настанет конец света.

– Кривым стартером пытались покрутить? – спросил я, не уверенный, что меня вообще услышат.

Механик вынырнул из-под кожуха и выпятил презрительно толстые губы. Но молодой человек почему-то заинтересовался:

– А вы знаете, как завести эту машину?

– Немного.

Я люблю коллекционные автомобили, и периодически бываю на ретро-ралли. Иногда даже удаётся поехать на подобном антиквариате.

– Сомов, отойди! – вдруг гаркнул молодой человек и добавил гораздо мягче, обращаясь уже ко мне: – Попробуйте.

Я пролез под ограждением, подошёл к машине. Осторожно открыл багажник деревянного кузова и обнаружил рукоятку. Подошёл спереди, поставил её в нужное отверстие. Покрутив пару раз, я с радостью услышал, как мотор довольно заурчал.

– Ну, давай, спец, демонстрируй, что умеешь, – в глазах Сомова мелькнула зависть.

Я открыл дверь, аккуратно сел за руль, переключил передачу, выжал педаль сцепления и газа. Тачка довольно шустро снялась с места.

– Отлично! – вскрикнул молодой человек. – Вот, Сомов, учись! Как вас зовут? – спросил он, подбежав ко мне.

– Олег Верстовский, – ответил я, с сожалением покидая водительское место.

– Не хотите у нас поработать консультантом? Мы с этой рухлядью замучились просто. Хозяин её заболел, а больше никто не умеет ею пользоваться.

Покоробившее слово «рухлядь» заставило задуматься. Тачку было жалко, киношники могли её совсем ухайдакать.

– Я подумаю, – произнёс я, наконец.

К молодому человеку подскочила девочка и начала шептать на ухо, поглядывая в мою сторону. Он свёл жидкие брови вместе, недоверчиво оглядел меня, будто видел в первый раз.

– Олег, подождите. Поговорить надо. Скажите, какой у вас рост? – деловито спросил он.

– Метр восемьдесят пять, – растерянно пробормотал я.

Его глаза загорелись, и он радостно спросил:

– А какой размер вы носите? Я вам сейчас объясню, – быстро добавил он, видимо, заметив мой удивлённый взгляд.

– Сорок восьмой, – я начал терять терпение.

– Отлично! Олег, вы не могли бы примерить костюм? Это очень нужно. Я вам расскажу, – он схватил меня за рукав и отвёл в сторону. – Вы знаете, мы ищем актёра на замену. Вы могли бы нам подойти. Да, забыл представиться, Юрий Лившиц, второй режиссёр, – в голосе звучала неподдельная гордость.

Мне пришла в голову гениальная мысль. Если кроме командировочных получу ещё бабки, то смогу купить новый мобильник. Совмещу приятное с полезным. Кроме того, хотя я сказал Колесникову, что не собираюсь расследовать убийство Северцева, честно говоря, эта история взволновала меня. А внедрившись в съёмочную группу, хотя бы ненадолго, я бы сумел добыть важную информацию.

– Но я не актёр, – честно ответил я. – Журналист.

– Это не имеет значения.

– А сколько времени съёмки продлятся? – я с досадой вспомнил, что Михаил Иванович отпустил меня всего на две недели.

– Около недели. Максимум две, – ответил Лифшиц. – Надо снять пару сцен. Потом персонажа убивают и все.

Девочка схватила меня за рукав и потащила к трейлеру, стоявшему в переулке.

– Вот это примерьте! – крикнула она, вытащив из шкафа пару вешалок и шляпу.

Я поёжился, не то, что я суеверен, но примерять вещи погибшего актёра не очень хотелось. Она сунула мне в руки вешалки и выбежала из трейлера. Я задумчиво разложил на столике одежду – пиджак с квадратной линией плеч, просторные брюки, кашемировый шарф, плащ светло-кофейного цвета. Роскошный наряд по моде начала прошлого века. Под стать классной тачке.

Я переоделся, взглянул в высокое трюмо, на удивление костюм сидел на мне замечательно. Когда вышел из трейлера, то первым заметил взгляд Лифшица, мне показалось, он был растерян. Я подошёл ближе и спросил, осторожно трогая шляпу с шёлковой лентой:

– Ну как?

– Замечательно, – пролепетал он. – Подождите, сейчас сделаем пробы. Катя, быстро Кроликова сюда с вещами! Маму Галю. И Кирилла. Катя, подожди! Позови Э-э-э Милану. Давай. Одна нога здесь, другая – там.

Лифшиц взял меня под локоток, отвёл в сторонку и тихо спросил:

– Олег, вы играли где-нибудь, в школе, в драмкружке или ещё где-нибудь?

Я хотел сказать, что единственным выступлением перед публикой было чтение стихов в детском саду на утреннике. Но тут увидел, как на площадку вплыла неземная дива в длинном ярко-алом, блестящем платье, с накинутыми на обнажённые плечи лёгкими мехами. Я узнал её. Милана Рябинина! Лифшиц посмотрев в том же направлении, что и я, спокойно объявил:

– Да, если получится, вы будете сниматься вместе с Миланой. Она играет главную роль. Ну, так что, Олег?

– Я играл в драмкружке в школе. И в студенческом театре МГУ, когда учился на факультете журналистики, – быстро соврал я, стараясь не краснеть.

Лифшиц чуть не подпрыгнул от радости.

– Правда?! – воскликнул он. – Это замечательно! Значит так, Олег. Сейчас пробы проведём, покажем Верховланцеву. Потом Розенштейну. Он продюсер. Главное, наша легенда. Скажите, что играете в саратовском драматическом театре. Запомните!

– А если они захотят проверить? – засомневался я. – Может студенческий театр подойдёт?

– Нет, Верховланцев ни за что не согласится. Ему профи нужны, – задумчиво пробормотал Лифшиц. – Постарайтесь, Олег, – почти умоляюще добавил он.

К нам присоединился новый персонаж – полноватая пожилая женщина с круглым, добродушным лицом и печальным взглядом карих глаз.

– Галя, – произнёс Лифшиц. – Вот тебе объект. Нужно максимальное приближение к Северцеву.

Женщина печально оглядела меня и едва заметно нахмурилась.

– Пожалуйста, пройдёте, – предложила певучим, низким голосом.

Мы зашли в другой трейлер, где она усадила меня перед большим квадратным зеркалом. Провела расчёской по моим волосам. И спросила:

– А вы Северцеву кем приходитеесь?

– Никем. А почему я должен ему кем-то приходиться? Я тут случайно оказался.

– Вы на него очень похожи, – объяснила она смущённо. – Только лет на десять моложе. Вам сколько лет?

– Тридцать.

Она стала наносить грим быстрыми, умелыми движениями. Через пять минут из зеркала смотрел человек, старше меня лет на десять-пятнадцать. От уголков глаз к вискам разбежались глубокие морщинки, на висках засеребрилась седина. Лёгким движением руки гримёр отняла у меня годы непрожитой жизни. Я вышел из трейлера и направился к Лифшицу, который разговаривал с Миланой.

– Милана, это кандидат на роль Северцева, – произнёс Лифшиц. – Прошу любить и жаловать. Олег Верстовский.

Я галантно поцеловал её руку с длинными, нервными пальцами. Конечно, она выглядела хуже, чем на экране. Но все равно была потрясающе хороша. Высокая стройная, почти с меня ростом, небольшой, но красивой формы бюст, тонкая талия, стройная ножка в разрезе платья; густые, жёстко завитые волосы обрамляли идеальный овал лица, скульптурно-выпуклая линия скул подчёркивала завораживающе прекрасные серо-голубые глаза, сходясь на резко очерченных губах и ямочке на чуть выступающем подбородке. Редчайшее сочетание чёрных, как смоль волос и ярких небесного цвета глаз.

– Так давайте быстренько. Сделаем фотопробу, – скомандовал Лифшиц.

Я оторвался от разглядывания Миланы, встал с ней рядом. Перед нами суетился фотограф: subtilный ярко-рыжий юноша в веснушках, с редким пушком на верхней губе.

Я с улыбкой понаблюдал, как он неумело устанавливает камеру с длинным объективом на штатив и снисходительно проговорил:

– Телевик смени на портретный фикс. Так лучше будет.

Парень поднял глаза, в которых отразился благоговейный страх, и начал судорожно рыться в кофре. Вынырнув оттуда, красный как рак и пролепетал:

– А что это такое?

– Объектив с постоянным фокусным расстоянием, – объяснил я. – Ну, у которого увеличения нет.

– А! – обрадовано воскликнул пацан, и вытащил из кофра нужный объект.

Я ощутил, как меня осторожно, но довольно жёстко взял за локоть Лифшиц и прошипел на ухо:

– Олег, не шпыняй мальчишку. Он на втором курсе учится, на операторском, во ВГИКе. Племянник Верховланцева, – добавил он ещё тише.

Пронеслась досадливая мысль, что зря так отнёсся к неопытному пацану. Если меня не утвердят, я мог бы заполучить портретные фотки с Миланой и выложить в своём блоге. Сенсационно. Я рядом со звездой! А теперь он меня просто пошлёт.

От грустных мыслей отвлек персонаж мекфистофельского вида – высокий, худой шатен в джинсах с художественными дырами на коленях. Вытянутое лицо с недельной щетиной, длинный, узкий нос, нависающий над тонкими губами будто клюв. Он стоял поодаль, курил сигарету через мундштук, и, склонив немного голову на бок, наблюдал за нами. Лифшиц подошёл к парню и начал о чем-то быстро говорить. Равнодушное выражение на лице Мекфистофеля не изменилось.

– Ладно, – бросил он равнодушно. – Пошли.

Лифшиц подошёл к нам с Миланой и объявил:

– Олег, сейчас наш оператор вас с Миланой снимет на лестнице. Задача такая. Подходишь к Милане, берёшь за руку. Потом вы сходите к машине, садитесь. Мило беседуете. Понятно? Кирилл уже установил камеру. Кирилл – оператор-постановщик, – объяснил он.

Парень, похожий на хищную птицу, взглянул в видеоискатель, потом на меня, и поморщился. Может быть, заметил, как я трясусь от страха? Надо взять себя в руки, не мальчик уже. Если дело не выгорит, в сущности, я ничего не потеряю.

– Лиля, покажи товарищам, где им начинать, – услышал я голос Лившица, и заметил ещё одно действующее лицо – худенькую девушку со стрижкой-каре и большими, распахнутыми глазами.

Девушка прошла по лестнице, делая пометки мелком, дошла до машины, провела жирную линию, и вернулась к нам.

– Так, все готово, – удовлетворённо произнёс Лифшиц. – Начинаем!

Милана грациозно поднялась по лестнице, остановилась на верхней площадке. Лиля щёлкнула перед ней хлопущкой и Милана начала царственной походкой спускаться. Оператор следил камерой за ней, а я должен был по команде войти в кадр.

– Стоп! – завопил Лифшиц, и грязно выругался, заставив меня вжать голову в плечи. – Лиля, быстро микрофончик прицепи Олегу. Так хорошо-хорошо. Продолжаем.

По всему было видно, как второму режиссёру приятно ощущать себя главным, командовать, делать вид, что именно он снимает кино. Я отвёл Милану к машине, старательно выдавливая из себя ничего не значащие слова, посадил на пассажирское место, сел за руль.

– Всем спасибо! – заорал Лифшиц, подскочив к нам. – Олег, я покажу пробы Верховланцеву и Розенштейну, – затараторил он. – Оставьте ваш телефончик, мы вам перезвоним. Вы свободны. Так продолжаем! – закричал он начальственным тоном.

На площадке опять началась суeta, кто-то бегал, что-то переставлял, устанавливал, переносил. В трейлере я с сожалением переоделся в старый костюм и покинул беспокойное место.

Я решил посетить дендрарий. И на этот раз повезло. Я очутился в наполненном душистыми ароматами саду. Прошёл по аллее, засаженной пальмами разных форм, свернул к фонтану, в окружении высоченных кипарисов и ещё каких-то странных деревьев, о которых я представления не имел.

– Северцев! Кого я вижу! Сколько лет, сколько зим! – услышал я возглас. Ко мне подлетел широкоплечий мужик и хлопнул по плечу. – Классно выглядишь, черт возьми! Отдыхаешь?

Я в изумлении посмотрел на совершенно незнакомого человека. И тут меня словно ударило током. Я забыл стереть грим, а мужик на полном серьёзе принял меня за Северцева.

– Извините, вы обознались, – произнёс я, пытаясь обойти живой шкаф, перегоревший дорогу.

Мужик явно обиделся.

– Друзей не узнаешь, зазнался. Ну как же – народный артист, – протянул он с кривой ухмылкой. – А ведь совсем недавно так же, как я щи лаптем хлебал. Кстати, ты мне ещё штукарь баксов должен. Занял и не отдаёшь.

Так вот, в чем дело. Штукарь я ему должен. Ему плевать, сильно я похож на Северцева или нет, главное выбить из меня бабки. Я достал из пиджака паспорт и сунул под нос мужику.

– Я – Олег Янович Верстовский, – по слогам произнёс я. – А Северцев уже пару суток, как в морге. Понял?

Мужик растерянно заморгал и пробормотал через паузу:

– Извини, ошибся. Сейчас вижу – действительно как-то иначе выглядишь.

Подошёл ближе и просипел заговорщицки в лицо:

– Слушай, его убили? Да?

– Да, – ответил я серьёзно. – Я его тело нашёл в пещере. Полиция расследование ведёт.

– Значит, довела его эта баба проклятушая. Довела, – он задумчиво почесал шею.

Глава 4

Я просидел в библиотеке целый день. Начитался массы историй о призраках, приведениях, полтергейсте. Сложилось впечатление, что вся чертовщина в мире собралась в этом занюханном городке на симпозиум по обмену опытом. Попытался найти информацию о Колесникове, но ничего скандального не обнаружил. Лицей имел хорошую репутацию, здесь учились дети даже из других городов, расположенных поблизости. О Колесникове журналисты слагали только панегирики, великолепный семьянин, прекрасный учитель и директор. Ни одной даже завалывшейся истории о взятке или тем более убийстве.

Внимание привлекло объявление, которое появлялось почти в каждом номере местной газеты или журнала: «Колдун в седьмом поколении, медиум и экстрасенс, Касьян Кастильский поможет вам связаться с миром духов».

На следующий день решил посетить яркого представителя этой касты людей, особенно активизирующихся в последнее время. Киношники так и не позвонили, поэтому я был свободен, как птица.

Колдун жил на окраине города, около реки в одноэтажном, кирпичном домике, за которым сразу начиналась стена леса.

Дверь открыла дама в длинном чёрном одеянии и манерно проговорила:

– Господин Кастильский вас ждёт.

Я не представился, но ясновидец должен был, конечно, знать, кто к нему пришёл.

Невысокий мужчина с седой бородой, длинными, тёмными волосами, обрамлявшими высокий лоб с глубокими морщинами, и колючим взглядом тёмных глаз, будто утопленных под нависающими надбровными дугами. Мы прошли в комнату, видимо, кабинет экстрасенса, походивший больше на место работы бизнесмена, а не медиума и ясновидца.

Мебель темно-красного дерева, массивный стол, стеллажи с книгами. Я считал, что все в доме должно быть уставлено хрустальными шариками для гадания, свечами, увешано колокольчиками. На самом деле кабинет поражал деловой обстановкой. На столе возвышался письменный прибор из мрамора, лежала пара книг.

Только одна вещь являлась исключением – большие часы с циферблатом из нескольких отдельных кругов с позолоченными знаками зодиака и странными значками.

– Что вас привело ко мне, господин Верстовский? – спросил Кастильский неприятным резким голосом. – Хотите взять интервью для вашего журнала? Сразу хочу предупредить – мне не нужна реклама. Особенно такая, какую делают представители вашей профессии.

То, что колдун знал, что я – журналист, меня не удивило. По крайней мере, он дал понять, что не лыком шит, и обмануть его невозможно.

– Я пришёл по личному вопросу, – объяснил я. – Прочитал в газете, что вы можете помочь пообщаться с миром духов. Я бы хотел поговорить с дедом. Он умер двенадцать лет назад. И вот недавно приснился мне. Показалось, он хотел меня о чем-то предупредить. Но мой сон прервали, и больше дед ко мне не являлся.

– Вы ощущаете с ним сильную духовную связь?

– Да. Мы были большими друзьями. Он, можно сказать, определил мой путь в жизни. Благодаря ему я выбрал профессию.

Колдун откинулся на спинку большого кожаного кресла и задумался.

– Что вас привело в наш город? – спросил он, наконец.

Странно, почему бы ему не знать и об этом?

– Я приехал к друзьям в гости. Отдохнуть.

– Не стоит меня обманывать, – он скривился. – Вы приехали по приглашению госпожи Колесниковой. И теперь живете в доме, который проклят. Это очень опасно и для владельцев дома и для вас.

– Я приехал, чтобы помочь Екатерине Павловне. Как специалист по паранормальным явлениям. У меня большой опыт в этом вопросе.

– Я читал ваши статьи, – от голоса Кастильского веяло смертельным холодом. – Не думаю, что вы – специалист. Вы ни разу не встречались с реальными проявлениями этой стороны жизни. Разоблачаете мошенников. Не верите, что явления, которые не признает официальная наука, существуют. Циник, скептик.

Я понял, что Кастильский настроен ко мне очень враждебно.

– Господин Кастильский, я не виноват, что за семь лет расследований, так называемых, сверхъестественных явлений, мне так и не удалось встретиться ни с одним реальным вампиром, оборотнем или духом, – объяснил с иронией. – Но я не теряю надежды.

– Глупости! Вы явились в наш город, чтобы найти сенсационный материал для своего журнала. Жаждете откопать грязную историю.

– Насколько знаю, вы отказались помочь Колесниковым. Поэтому пришлось приехать мне, – дерзко сказал я.

– Господин Верстовский, вы даже не представляете, с какой чудовищной силой вы столкнулись, – Кастильский угрожающе навис над столом. – Она уничтожит вас. Люди не в силах ей противостоят.

– Ну и что же делать Колесниковым? – поинтересовался я.

– Уехать из этого дома. В другой город.

– И продать этот дом. А покупатели, наверняка, быстро найдутся, – с сарказмом заявил я. – Обременение в виде полтергейста здорово снизит цену.

Кастильский усмехнулся и вновь расслабленно откинулся на спинку кресла.

– Примитив. Этот дом никому не нужен. Они даже не найдут покупателя. Они ставят под угрозу свою жизнь, и жизнь своих детей. Если вы действительно хотите им помочь – уговорите Екатерину Павловну уехать. И сами уезжайте.

– Иначе что? Я сильно пожалею?

– Вы думаете, я вам угрожаю? Потому что боюсь? Ошибаетесь. Я лишь желаю добра вам и вашим новым знакомым.

– Хорошо, я подумаю над этим. Но что по поводу моего деда?

– Не слишком ли надуманный предлог, чтобы встретиться со мной?

– Я действительно хочу с ним пообщаться!

– Такие встречи трудно организовать для тех, кто не верит. Впрочем, для этого необходима какая – то памятная вещь деда. Что-нибудь, что раньше принадлежало ему.

– А фотография его нужна?

Кастильский с осуждением взглянул на меня.

– Господин Верстовский, вы что думаете, я демонстрирую клиентам голограммы? – он сцепил пальцы на животе. – С таким отношением вы не сможете войти в контакт с духом. Грань между миром живых и мёртвых не так уж тонка. И прорвать её можно только сильным духовным воздействием. Страстным желанием. Если вы не верите, ничего не получится. Вы должны заслужить общение с потусторонним миром.

– У меня есть командирские часы деда. Он оставил их мне. Вожу их с собой, как талисман.

– Он был военным?

– Да, прошёл всю Отечественную войну. Командовал ротой отдельного пулемётно-артиллерийского батальона.

– Хорошо, мой ассистент свяжется с вами. И мы проведём сеанс. Но вы должны хорошо подготовиться. Иначе ничего не получится.

Покинув дом колдуна, я решил отправиться домой, пообедать, дошёл до остановки трамвая. На другой стороне улицы стоял синий фургон, рядом с которым я обнаружил старого знакомого – второго режиссёра Лифшица и высокого, импозантного мужчину, сильно облысевшего, с седыми усами, в чёрной куртке и длинном алом шарфе. Со злорадством понаблюдал, как Лифшиц что-то униженно лепечет, отчаянно жестикулируя, оправдывается. Его собеседник, наоборот, был удивительно спокоен, лишь на лице застыло кислое выражение недовольства. Он пару раз вставил реплики в монолог Лифшица, и второй режиссёр после них стал жестикулировать ещё лихорадочнее.

Показалось даже, что он упадёт сейчас на колени, начнёт молить о пощаде. Руки чесались дать Лифшицу в морду. Сволочи, даже не позвонили, не сказали, что я не подхожу. Извинились бы, черт возьми. Обычный человек для них хуже таракана. Мерзавцы. Я отвернулся, стараясь унять раздражение. А чего я хотел? Что меня встретят, как звезду? Потому что ношу вещи сорок восьмого размера?

Постукивая на стыках рельсов, подошёл трамвай. Я сделал шаг к двери, как вдруг кто-то схватил меня за рукав.

– Олег! Куда же вы пропали!

Я резко обернулся, Лифшиц уже стоял рядом с таким выражением лица, будто его сейчас отведут на казнь, а я – единственный, кто может спасти от петли.

– Я никуда не пропадал, – ответил я холодно. – Все время здесь, в городе.

– Мы вас ищем везде!

– А почему не позвонили? – удивился я. – Телефон потеряли?

– Наверно, я неправильно записал ваш номер, – пробормотал Лифшиц растерянно. – Никто трубку не брал.

И тут на меня снизошло озарение. Вспомнил, что призрак расколотил мой мобильник о стену, а я не удосужился купить новый и переставить сим-карту. Екатерина Павловна аккуратно сложила останки в коробочку, которая теперь стояла рядом с моей кроватью.

– Вы не передумали участвовать в нашем проекте? – Лифшиц умоляюще взгляделся в моё лицо.

– Да нет, – пробурчал я.

– Идемте, я познакомлю вас с нашим режиссёром-постановщиком! – он обрадовано потащил меня на другую сторону улицы.

– Дмитрий Сергеевич Верхоланцев, – представил он импозантного мужчину.

– Так-так, – произнёс Верхоланцев снисходительным тенорком, – внимательно рассматривая меня. – Значит, в саратовском театре служишь? Пойдём, поговорим за жизнь.

Мы сели в фургон. Верхоланцев плюхнулся напротив, также внимательно разглядывая меня.

– Ну и что рассказывай, – проговорил деловито.

– Что именно?

– Ну, что в театре играл. Какие роли.

– Ваську Пепла, Тузенбаха.

– Вот как? Ну, прочти что-нибудь. Помнишь?

– «А быть может, нашу жизнь назовут высокой и вспомнят о ней с уважением. Теперь нет пыток, нет казней, нашествий, но вместе с тем, сколько страданий!» – с пафосом прочитал я текст из «Трёх сестёр». Чехова я очень люблю, и перечитываю.

Верхоланцев усмехнулся, достал из-под скамейки бутылку пива, сделал глоток. Вытащив платочек, вытер аккуратно усы.

– Ну, скажем, актёр из тебя дерьмо, конечно, – пробурчал он без тени раздражения, скорее с иронией. – Впрочем, на другое я и не рассчитывал, когда пробы посмотрел.

– На пробах все актёры хреново играют, – возразил я.

– Не перебивай. Но может это к лучшему, – продолжал он рассуждать вслух. – На Северцева ты очень похож. Да, Северцев – гениальный актёр был. Самородок. Это я его нашёл. Огранил. Бриллиант из него сотворил. Да сколько актёров на моих фильмах поднялось. Это ты его тело обнаружил?

– Да. В пещере.

– И всё место преступления облазил? – он хитро сощурился. – Нашёл чего?

Странная мысль пронеслась в голове: может быть, записка принадлежит Верхоланцеву? Но зачем убивать «самородка», из которого сделал бриллиант?

– Я лишь полицию вызвал. А потом ждал на берегу.

– Да ну? – усмехнулся он в усы. – Небось, даже сфотографировал. А? Верстовский, ты ж репортёр. Знаю я вашу шатию-братию. Ладно, не тушуйся, сделаем мы из тебя актёра. Не из таких делал. Только больше не ври мне, – он шутливо погрозил пальцем. – Задача такая. Переснимаем крупные планы, и делаем несколько новых сцен. Роль сократим. Не потянешь ты всю. Шучу-шучу, – добавил он, видимо, заметив моё огорчение. – Только не зазнавайся. Главную роль не ты играешь. Игорь Мельгунов. Вместе с Миланой. А ты – группа поддержки. С Мельгуновым не ругайся, не ссорься. Он – человек ранимый, обидчивый. Звёздный мальчик. И особенно рекомендую держаться подальше от Розенштейна. Продюсер.

– Подальше от начальства, поближе к кухне, – сказал я.

Верхоланцев сделал глоток из бутылки, аккуратно положил под скамейку. И, сделав вид, что поправляет мне воротник, проронил:

– Значит так, сейчас едем к наиглавнейшему церемониймейстеру. Твоя задача – ему понравится. Очень сильно. Понял?

– Это кто? – спросил я удивлённо.

– Главный продюсер. Давид Григорьевич Розенштейн, – по лицу Лифшица было заметно, он страшно боится.

Я вспомнил бурное выяснение отношений в кафе, где Розенштейн отчитывал Лифшица, и холодок пробежал по позвоночнику.

– Ладно, не раскисай, – проронил бодро Верхоланцев. – Главный тут я.

Спустя четверть часа, когда фургон остановился возле местной гостиницы, мы прошли в холл, поднялись на третий этаж. Верхоланцев ещё раз оглядел меня и постучал в дверь.

Представить не мог, что в гостинице провинциального городишки могут быть такие номера. Потолок метров двадцать высотой, украшенный лепниной, люстра из позолоченной бронзы, окно во всю стену с полуколоннами. Другая половина номера отгорожена изящной колоннадой, над которой находился балкон с ажурным ограждением. На светло-жёлтом паласе стояло несколько мягких диванов и кресел цыплячьего цвета с ярко-синими подушками. Среди всего этого великолепия я не сразу заметил хозяина, который на фоне громадных интерьеров выглядел карликом. Он вальяжно развалился в одном из кресел, выставив огромное брюхо. На стеклянном столике рядом цвёл натуральный экзотический сад – ваза ярких цветов и огромное блюдо с фруктами.

Верхоланцев подошёл к нему, уселся рядом и.

– Вот, наш новый Франко Лампанелли.

– И где вы такое чмо болотное откопали? – лениво проворчал Розенштейн.

Взял со столика бутылку с янтарно-коричневой жидкостью, налил в пузатый бокал, и никому не предлагая, выжрал половину. Мерзкий гоблин.

– Давид, он идеально подходит. Похож на Северцева. Ты видел пробы? Переснимем пару сцен и почти без задержек пойдём дальше. Талантливый. Звезда саратовского театра драмы.

– Очередной твой племянник? Или сын незаконнорождённый? – хрипло заквакал, что означало смех.

– Прекрасный вариант, лучше ничего не найдём, – не слушая его, продолжал бубнить Верхованцев.

– Пятьсот деревянных и пусть гуляет.

– Давидик, но у нас же массовка столько получает. Парня надо заинтересовать, давай пятьсот зелёных.

– Ты спятил, Дима? За такое говно пятьсот баксов? – зевнув, сказал Розенштейн таким тоном, будто покупал пучок завядшей зелени на базаре.

Безумно захотелось приложить его по лысине, ярко блестящей под светом шикарной люстры.

– Давид, Северцев тебе дороже обходился, – возразил Верхованцев.

– Северцев был звезда, – Розенштейн воздел толстые, как сардельки, пальцы к небу, то есть к украшенному лепниной потолку. – Одно имя все окупало бы, а этот пацан ничего делать не умеет. И ничему не научится. Ну, если он тебе так нравится, плати ему сам. Из своего кармана.

– Хорошо. Только тогда мой гонорар возрастет на штуку. В сутки. Или я уйду из проекта. Давид, мы будем снимать кино, или не будем снимать кино? Мы уже в простое три дня. Твою мать, чего ты ломаешься, как девка красная?

Розенштейн выпятил пузо и потянулся за бутылкой.

– Ребята, подождите меня в фургоне, – сказал Верхованцев.

Лифшиц, схватив меня за рукав, потащил к выходу с такой скоростью, будто убегал от стаи чертей. Я лишь успел слышать, как Верхованцев, перейдя на сплошной мат, бурно убеждал Розенштейна.

Мы просидели в фургоне около часа, Лифшиц угрюмо молчал. Откинувшись на спинку мягкого сиденья, я закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать. Когда отъехала дверь, мы синхронно повернули головы. Верхованцев был навеселе, но по выражению лица сразу понял, он доволен. Главреж с большим трудом влез в фургон и плюхнулся напротив меня.

– Выбил я тебе ставку, – проронил он устало. – Будешь мне по гроб жизни обязан. Чтоб я ещё так унижался, козлина, – тихо пробурчал он себе под нос.

Я содрогнулся, услышав мелодию гимна Советского союза, ну то есть гимна России. Все равно, когда слышу эту музыку, на ум приходят слова, которые услышал от бабушки: «Нас вырастил Сталин на верность народов». У Верхованцева не дрогнул ни один мускул на лице.

– Все сделали? Точно? Ладно, – выловив из кармана мобилу, спросил он. – Верстовский, соберись, – добавил он мрачно, засовывая телефон в карман. – Едем кино снимать.

Через полчаса фургон остановился, я вылез наружу и увидел длинное помещение без окон, со стенами из бетона, где в ряд стояло ещё несколько машин. Верхованцев вылез и, не сказав ни слова, быстро ушёл.

– Пошли, – сказал Лифшиц. – На съёмочную площадку.

Я шагнул в дверь, открытую Лифшицем, и замер от удивления – мы словно оказались на улице американского городка, выстроенного в стиле начала прошлого века – низкие домики, яркие неоновые вывески на английском. Единственным отличием от настоящего было отсутствие неба. Где-то над головой маячил потолок. Представляю, сколько вбухали бабок в создание подобных декораций. Не проще было найти натуру? Мы свернули в незаметный переулок, вошли в дверь, оказавшись в коридоре, по которому, громко переговариваясь, сновали люди.

– Вот здесь, – проронил Лифшиц, кивнув мне на дверь в конце коридора.

Это комната представляла собой гримёрную: высокий трельяж со столиком с массой блестящих баночек, коробочек и флаконов. Около стены – раскрытый гардероб с нарядами.

Возле большой камеры крутилось несколько человек. Парень с лицом хищной птицы, Кирилл Невельский, оператор-постановщик, ходил по комнате, отдавая указания.

– Здесь прибор погас, быстро восстановить. Шторки открой. Так хорошо. Костя, что у тебя на двери падает тень.

– Тень? Какая тень? – задумчиво проронил толстый парень в спецовке.

– Быстро исправили. А здесь что горит? Точка какая-то.

В дверях появился Верхоланцев в сопровождении Миланы, одетой в футболку с коротким рукавом и бриджах песочного цвета. С собранными сзади в пучок волосами, совершенно без макияжа, она походила на симпатичного мальчика. «Свой парень», не вызывавший сексуальных чувств.

Заметив меня, Верхоланцев буркнул:

– Сценарий дали тебе? Твою мать, что за люди. Все я должен сам делать. Верстовскому сценарий быстро! – скомандовал он. Рядом возникла тётка в зелёном балахоне, сунула в руки скреплённые листы бумаги. – Так. Объясняю задачу. Милана, сидишь за столиком, входит Олег. Вскакиваешь и резко спрашиваешь: «Как ты смог пройти?». Он оказывается рядом, говорит: «Белла, твои смешные ухищрения тебе не помогут». Берет за руку, пытается поцеловать. Вырываешь руку, пытаешься оттолкнуть. Это его распалает, он сжимает тебя в объятьях, целует в шею. Бьёшь его по голове. Понятна задача?

Мне совсем не понравилось, что меня собираются бить. Д ещё по голове.

– А чем мне его ударить? – спросила Милана спокойно, будто речь шла о нежном поцелуе.

Верхоланцев задумался, вытащил сценарий. Заглянув туда, он недовольно крикнул:

– Твою мать, Семён! Иди сюда!

Через пару минут в дверях показался сутулый худой мужчина. Длинное вытянутое лицо с крупным носом, глубокими носогубными складками и усталыми, печальными глазами.

– Что случилось? – спросил он задорно низким, хрипловатым голосом, что совсем не вязалось с унылой внешностью. – Что за шум, а драки нету?

– Семён, чем Милана будет бить? – спросил Верхоланцев.

Тот на мгновение задумался.

– Ну, скажем пепельницей. Нормально?

Представил, как Милана приложит меня этой штукой по башке, и стало нехорошо. Первой мыслью было сказать: «Ребята, с вами было хорошо, но я, пожалуй, пойду. Дел невпроворот. Призраки, духи, колдун в седьмом поколении», и удалиться, как можно быстрее в сторону моря.

– Хорошо. Начали! – крикнул Верхоланцев. – Олег,ходишь, говоришь текст. Милана, садись к столику.

Я решил послушаться, стало стыдно за малодушие. Ну, стукнет меня Милану пару раз, не умру из-за этого.

По команде Верхоланцева я стремительно вошёл в комнату, остановился на середине и произнёс с широкой улыбкой:

– Белла, сегодня ты была просто великолепна! Я восхищен!

Милана вскочила с места, повернулась и прочла монотонно текст по сценарию:

– Как ты смог пройти, черт возьми?

– Дорогая, твои смешные ухищрения тебе не помогут.

– Подходи ближе! – сказал режиссёр.

Я взял Милану за руку, пытаюсь поцеловать, она вырвалась. Но я сжал её в объятьях, погрузившись в облако пьянящего аромата духов.

– Милана, ищешь лихорадочно, чем ударить этого нахала. Заговариваешь ему зубы.

– Как ты мне надоел! Когда ты, наконец, отстанешь от меня! – воскликнула Милана, делая вид, что хочет высвободиться.

– Тебе не удастся так легко от меня отделаться, – проговорил я свой текст с выражением. Милана, наконец, подняла большую пепельницу зелёного стекла и сделала жест, будто бьёт меня по голове.

– Милана, уходишь из кадра! Уходишь! – крикнул Верхованцев. – Олег, изображаешь, что тебе больно. Хватайся за ушибленное место.

Я прижал руку к голове, потом вопросительно взглянул на Верхованцева, который задумчиво стоял посредине комнаты.

– Милана, побольше на лице страха. Олег, не кидайся на Милану, словно баб сто лет не видел. И улыбайся меньше, выглядишь идиотом. Не забывай, тебе сорок два, а не пятнадцать лет. Продолжим.

Мы повторили сцену раз десять. И с каждым разом, Верхованцев становился все раздражительней. Ему не нравилось, как я вхожу, как говорю, как обнимаю Милану. Он матерно ругался, обидно подшучивал надо мной. На глазах дюжины свидетелей! И самое обидное, он мог послать меня в задницу, а я его – нет. В конце концов, мне жутко захотелось дать ему в морду и уйти.

– Ладно. Перерыв, – наконец, бросил Верхованцев. – Потом будем на камеру репетировать.

Ещё репетиции? Ужас. У меня жутко подвело живот от голода. Я обошёл все помещение, пытаясь найти хоть что-нибудь съестное. Но, кроме столика с пустыми, пластиковыми стаканчиками, которые от нечего делать выжрал технический персонал, ничего не нашёл. Верхованцев с Лифшицем куда-то исчезли, а больше я никого не знал.

Вышел в коридор и вдруг ощутил ошеломляющий аромат докторской колбасы, которую обожаю. Пошёл, как сомнамбула на запах и оказался на пороге гримёрки Галины Николаевны.

– Заходи, Олежек, – сказала она с мягкой улыбкой. – Проголодался? С чем хочешь – с сыром, колбасой, бужениной?

Божеественно! Мне показалось, что оказался дома.

– С докторской.

Она достала несколько бутербродов и протянула мне.

– Чай, кофе?

– Кофе, – ответил я с набитым ртом.

Она взяла большой термос, налила в стаканчик чёрной, пенящейся жидкости и присела на диванчик рядом.

– Устал?

Я кивнул, взял ещё один бутерброд и начал уплетать.

– Никогда так вкусно не ел!

– Гриша тоже любил с докторской бутерброды, – проговорила она задумчиво.

Я на миг остановился, собираясь с мыслями.

– Северцев? – уточнил я. – А какой он был человек, Галина Николаевна?

– Зови меня Галей. Сложный человек. Как все артисты, ранимый, обидчивый. Капризный, как ребёнок. Тщеславный.

– А какие отношения у него были с остальной группой?

Она усмехнулась и проговорила:

– По-разному. С кем хорошие, с кем – как кошка с собакой.

– И с кем были плохие отношения?

– В основном с Игорем. Гриша должен был главную роль играть, а продюсер решил иначе.

А тут и гонорар меньше, и съёмочных дней. Гриша был очень не доволен. Хотел даже уйти с картины. Он же не меньше звезда, чем Игорь. Народный артист. Но потом остался.

– А Верхованцев не понравилось, что так решили?

– Ему было все равно. Он относился хорошо к обоим. Правда, с Игорем он несколько картин сделал, а Гришу взял в первый раз. И очень Дмитрий Сергеевича огорчало, что Игорь и Гриша ссорились. Они так ругались порой, дым столбом стоял.

В таком случае Северцев должен был убить Мельгунова, а не наоборот. Впрочем, эта могла быть лишь очередная ссора, которая и привела к трагедии.

– Верстовский! Быстро дуй на площадку! – в гримёрку влетел Лифшиц.

Я с сожалением покинул уютное место и вернулся в зал пыток. Кирилл стоял за камерой, один техник прикреплял белый отражатель, другой рядом с Миланой делал замеры флешметром.

Увидев меня, Верхованцев пробурчал:

– Олег, соберись. Проведём репетицию и снимаем. Пока у тебя ни хрена не получается.

Я потратил столько сил, чтобы выглядеть естественно и играть по системе Станиславского! После слов Верхованцева настроение сниматься пропало напрочь. Милана села около столика. Один из техников измерил рулеткой расстояние от камеры до её места. А я ждал, когда они закончат, проклиная всех и все, на чем свет стоит.

– Тишина на площадке! – проорал кто-то в мегафон. – Начинаем.

Я вошёл в дверь, проговорил текст, который уже выучил наизусть. И остановился около Миланы, целуя ей руки. Она уже старалась играть, а не произносить текст. Настал решающий момент, она схватила пепельницу и довольно больно ударила меня в висок. Я вздрогнул и ошеломлённо взглянул на неё.

– Повторим! – крикнул Верхованцев. – Кирилл, запомни, пепельница будет в детали. Крупно. Понимаешь, берёшь крупно, потом резко переводишь на удар.

– Понял, – пробурчал Кирилл.

Сцену повторили, и я понадеялся, что мучения, наконец, закончились. Но тут же услышал истошный вопль Верхованцева:

– Олег, твою мать, ты будешь работать?! Или будешь дурью маяться? Не бойся удара! Ты не знаешь, и не можешь знать, что тебя ударят. Ты весь сжимаешься ДО того, как Милана берет пепельницу! Ты понял? Балбес!

Зверски разболелась голова. От резкого, яркого света, заливающего всю площадку, от механического повторения заученных движений и фраз, от воплей режиссёра. Если вначале я ощущал прилив желания, когда обнимал Милану, то теперь мне казалось, что прижимаюсь к фонарному столбу, холодному и бездушному.

– Ладно, – наконец, бросил Верхованцев. – Переодеваться и гримироваться. Начнём снимать.

Я зашёл в гардеробную, нацепил на себя брюки, белую плиссированную рубашку, повязал кашемировый шарф. Все-таки странно, что раньше никто не замечал, что я похож на известного актёра.

Я вернулся к маме Гале, уселся за столик, она начала наносить грим.

– Что морщишься, Олежек? – спросила она участливо.

– Голова раскалывается. Верхованцев орёт на меня. Ничего у меня не выходит.

Она тут же достала пластиковый стаканчик, бросила в воду таблетку и подала мне.

– Он на всех орёт, – проговорила она с мягкой улыбкой. – Манера такая. На самом деле он переживает за всех. За тебя тоже. Все у тебя получится. Главное верь в себя.

Она взяла расчёску, провела ласково по моим волосам. Я успокоился, боль растаяла, оставив лёгкий туман в голове. Я с удовольствием следил в зеркале, как мама Галя наносит на моё лицо свой шедевр.

Люблю наблюдать за работой профессионалов, особенно тех, чью работу никогда бы не смог выполнить. «Состарившись» лет на десять, вернулся на площадку в приподнятом настроении. Через полчаса появилась Милана в золотистом, блестящем платье с разрезом

сбоку, которое подчёркивало безупречную линию бёдер и тонкую талию. И я залюбовался ею, убедившись ещё раз, как она соблазнительна.

– Мотор. Начали! – крикнул Верхоланцев.

Лиля выбежала перед камерой, пробормотала: «Тридцать девять, сто сорок семь. Дубль первый» и щёлкнула хлопушкой с прилепленными к ней бумажками.

Я отключился от всего, что мешало мне сосредоточиться, видел только ярко-алый рот Миланы и потрясающие глаза в обрамлении пушистых ресниц. Вдруг ощутил себя настоящим актёром и мужественно сносил удары по башке пепельницей.

– Все! Сняли, – наконец, воскликнул Верхоланцев. – Молодцы.

Я взглянул в его лицо и понял, что он устал не меньше меня, но очень доволен. Он подошёл ко мне, похлопал по плечу и сказал:

– Неплохо получилось. Чувствую, не ошибся я в тебе.

И расхохотался.

Я вернулся домой в радостном волнении. Вышел из фургончика на улице, которая шла перпендикулярно той, где находился дом Екатерины. На небе засеребрился тонкий серп луны, было прохладно, я поёжился. Усталый, но жутко довольный направился домой. И услышал за спиной громкий лай собак. Он усиливался, я ускорил шаг, уже показался заборчик, за которым виднелся дом с погасшими окнами. На улицу выкатилась свора здоровенных лохматых псов. Злобно рыча и скаля зубы, они начали медленно сжимать кольцо. От общей массы отделился главарь – огромный чёрный как ночь ротвейлер, сильно напоминающий посланца дьявола из фильма «Омен».

По спине потекли струйки холодного пота. При свете уличных фонарей глаза мерзкой псины загорелись адским огнём. Демонстрируя ослепительно острые, как бритва, зубы, он готовился к прыжку. А я понимал, что не успеваю ни перелезть через забор, ни позвать на помощь. Замерев, ждал, когда дьявольская тварь нанесёт удар. Зверь оттолкнулся от земли и прыгнул на меня, целясь в самое горло.

Глава 5

– Олег, мы очень волновались за вас. Вы задержались. Не позвонили, – осторожно, с чуть заметным упрёком, сказала Екатерина за завтраком.

Ну да, волновались. Она-то, конечно, а Сергею, наверняка, было плевать.

– Извините меня, ради Бога. Никак не куплю новый мобильник. Я был на съёмках. Меня пригласили заменить Северцева. Как оказалось, я на него немного похож.

– Да, точно. Действительно похожи. Только он был старше вас. Как интересно, вы будете играть его роль?

– Да, несколько съёмочных дней.

– Ага! Я так и думал! – воскликнул Сергей со злорадством – Вы все-таки решили заняться расследованием убийства!

– Да. Вы правы, – согласился я спокойно. – В происшестввиях, связанных с убийством и с призраками в вашем доме, есть нечто общее.

– Интересно какое? – снисходительно поинтересовался Сергей.

– Северцеву являлся дух женщины. Его это ужасно пугало.

– Вы думаете, этот призрак его убил?

– Нет. Что вы. Вы знаете, Екатерина Павловна, на самом деле духи и полтергейст обычно не связаны друг с другом. Кроме того, призраки безобидны, они не могут никого убить. И уж тем более вызывать пожар. Это бесплотная субстанция, не обладающая физической силой.

– Вы встречались с ними на самом деле? – удивилась она. – А почему не писали об этом?

– Я не пишу обо всех случаях. Особенно, если люди, кто был вовлечён в эту историю, просят сохранить информацию в тайне.

– Вы предполагаете, что вся эта чертовщина инсценирована? Интересно, каким образом? – проворчал ядовито Сергей. – Голограммы? Но для этого нужно установить где-то проектор. И довольно сложный. Я в этом разбираюсь. У меня физико-математическое образование. Я уже не говорю про поджигание предметов. Может быть, вы думаете, что мы сами развлекаемся, таким образом, на досуге?

– Сергей, мне в голову не приходило обвинять вас. Возможно, на этот раз, я столкнулся с чем-то совершенно новым для меня. В вашем городе увидел много странного и непонятного.

– Например? – спросила Екатерина. – Вы видели призраков ещё где-то, не только в нашем доме?

– Да. Я видел, к примеру, как над поверхностью залива появился мираж – высокие башни. Не успел сфотографировать, все исчезло. А вчера столкнулся с непонятной мне чертовщиной... – осёкся, ругая за длинный язык.

Рассказывать о стае адских собак я не собирался, чтобы не пугать хозяев, тем более детей. Возникла пауза. Екатерина, взглянув на меня, все поняла, и сказала:

– Дети, вы поели? Погуляйте на улице. Вадим, присмотри за Ирочкой.

– Хорошо, мама, – пробасил парень, и, взяв, ангелоподобную девочку за ручку, вышел из кухни.

– Ну, так что вы видели, Олег? – повторила она.

– Когда возвращался домой, меня окружили собаки, по виду самые натуральные, злобные, агрессивные. Они лаяли, скалили зубы. Их главарь прыгнул прямо на меня, но прошёл насквозь. Потом остальные собаки прыгнули за ним и исчезли в вашем доме.

Лицо Екатерины вытянулось, она побледнела. Повисла пауза

Громкий телефонный звонок разорвал тишину. Я схватил трубку и услышал в трубке голос Лифшица:

– Олег, вы не могли бы приехать сейчас на съёмки?

Черт, неужели они запороли плёнку с моей съёмкой?! Меня это совершенно не устраивало, и вообще участие в этом проекте меня, честно говоря, утомило.

– А что случилось?

– Заболел исполнитель главной роли. Дмитрий Сергеевич решил провести съёмки с вами. Надо переснять крупные планы и ещё пару сцен. Мы пришлём за вами машину, – сказал он тоном, не терпящим возражения.

– У меня были другие планы.

Должен же я поломаться хоть немного? Пусть просят лучше.

– Олег, это важно. Вы подписали контракт. Через полчаса машина будет у вас.

Он бросил трубку, а я мысленно выругался. Уже решили, я их раб, который беспрекословно должен выполнять указания. Ну, хоть машину пришлют и то ладно.

– Что-то случилось? – спросила Екатерина.

– На съёмки вызывают. Наверно, вернусь поздно. Извините меня.

Мне было неудобно. Вызвался помочь, а вместо этого ввязался в совершенно другую историю.

– Будьте осторожны, Олег, – только сказала она.

Минут через сорок я услышал под окном требовательный гудок и увидел синий фургончик. Влез в салон, обитый плюшем, и краем уха услышал обрывок фразы.

– Заболел он. Уехал со своим хахалем на Канары. Вершок так орал, что святых выноси, – дальше шёл трёхэтажный мат.

Я не стал уточнять, кто уехал на Канары, а мужик в спецовке, сказавший фразу, мгновенно осёкся, увидев меня. В полной тишине мы добрались до места. Когда фургончик остановился в гараже, я поинтересовался:

– А куда идти?

– Пошли покажу, – сказал тот мужик, что рассказывал про Канары. – Здесь недалеко. Меня Арсений зовут. Старший бригады осветителей. Ты что ли вместо Северцева? Черт, эта сука так и не отдал мне два штукаря. Подонок. Прости господи, нельзя о покойниках говорить плохо, – он истово перекрестился.

Я вдруг понял, хотя Северцев получал аховые гонорары, на жизнь ему все равно не хватало. Приходилось занимать даже у техников.

– Слушай, у него же такой гонорар был, дай Бог. Пил что ли сильно?

– Ну, зашибают они все. Только Северцев ещё игрок был! Азартный. Ну и как бывает – не сильно ему везло. Огромные суммы в казино просаживал. Говорил, расслабляюсь я. И жена от него ушла из-за этого. Красотка – у-у-у. Такая пара была. Самая красивая. Я бы ради такой бабы курить и пить бросил. А он – дурачина. Потом такую шваль подбирал – кошмар. Три копейки за пучок в базарный день. Будто ему все равно было с кем спать. Истаскался мужик.

– Слышал, перед смертью ему призрак женщины являлся. И его это пугало. Не слышал об этом?

– Призрак? Нет. Не слышал. Но то, что Северцев в последнее время сам не свой был – это точно. Думали, у него белочка началась. Выскочит из номера и бежит куда-то в трусах с выпученными глазами, а лицо бледное, как у мертвеца.

Мы прошли по широкому коридору, освещаемому тусклыми лампочками аварийного освещения, и оказались около входа, над которым висела переливающиеся яркими огнями неоновая вывеска на английском. Я толкнул дверь и попал в самый настоящий ночной клуб. На сцене гордо возвышался большой чёрный рояль. В зале – несколько круглых столиков с зажжёнными лампами под маленькими жёлтыми абажурами. Сидели, переговариваясь, люди, одетые в костюмы по моде начала прошлого века. И если не считать камер, стоящих по углам, все выглядело настолько естественно, что показалось, действительно оказался в старом кафе.

– Олег, здравствуй! – услышал я мелодичный голос. – Рада видеть.

Рядом стояла Милана в белоснежной кружевной блузке и узким жилетом, обтягивающих брюках цвета чёрного серебра. Иссиня-чёрные волосы обрамляли лицо с кричащим, вульгарным макияжем. Огромные алые губы, жирно подведённые глаза, слишком рельефные скулы с блестками. Но это не портило её, наоборот делало сногшибательно обольстительной. Она спустилась с эстрады, и я поцеловал её руку в изящном облаке кружев.

Заметив моё желание, она лукаво улыбнулась, на щеках проявились очаровательные ямочки. Конечно, она знала о впечатлении, которое производила. Но, кажется, она старалась соблазнить меня чересчур навязчиво.

– Олег! – раздался фальцет Верхоланцева. – Быстро переодевайся и гримируйся. Заодно снимем крупные планы. Кирилл, семь-восемь планов Верстовского и общие планы зала. Милана, давай на сцену.

– А что мне играть? – спросил я.

– Ты сценарий читал?

– Нет, не успел, – начал я смущённо. – Приехал вчера поздно...

– Ну, в общем, ты любишь певицу. Почти десять лет. Страстно. Она уходит к другому, джазмену, пианисту. Ты пытаешься её удержать...

– И я его пристрелил? – не удержался я.

Верхоланцев не рассердился, наоборот, коротко расхохотался, будто услышал чрезвычайно смешной анекдот.

– Хорошая мысль, твою мать. Точно, этого говнюка надо пристрелить. Обязательно, – сказал он, отсмеявшись. – Так, значит. Дальше. Изображаешь страсть, дикую ревность, ненависть к сопернику и так далее. Понял? Так, давай быстро – одна нога здесь, другая...

Он развернулся и пошёл раздавать указания.

Я зашёл в гардеробную, снял пиджак, начал расстёгивать рубашку. Открыл створки и замер. На меня смотрели сильно подведённые глаза девицы с экзотической причёской «я упала с самосвала» – во все стороны торчали обесцвеченные перекистью волосы.

В первую секунду мы таранились друг на друга, затем на её круглом лице с носом-пуговицей и смешными веснушками отразилось разочарование. Скривившись, будто увидела грязного бомжа, девица вылезла, отряхнула ярко-алое платье, еле прикрывающее попу, и, как ни в чем, ни бывало, направилась к выходу. Я мгновенно представил, что эта фифа наблюдала бы из шкафа, как я раздеваюсь. В сущности, мне нечего стесняться, я стараюсь держать себя в форме: при росте в сто восемьдесят пять сантиметров вешу ровно семьдесят пять килограмм. Да и родители не обделили физическими данными, но почему я должен позволять незнакомой девке разглядывать себя в голом виде?

– Ты что тут делаешь? – я схватил её за руку.

– Отстаньте! – заверещала она, бросившись к двери.

Я мгновенно перекрыл ей выход. Она завопила благим матом, будто я собирался её изнасиловать! В дверь начали колотить, и, скрепя сердце, пришлось открыть. Зрелище было, мягко говоря, малопривлекательным. Я – в полураздетом состоянии рядом с пунцовой девахой с растрёпанными волосами. Девица, какмышь, шмыгнула в коридор и растворилась в толпе. А люди, разочарованные слишком быстро закончившимся шоу, разошлись по своим делам.

Я вернулся, запер дверь, и всё внимательно обыскал. Заглянул под кушетку, в шкафы, за портьеры. Слава Богу, больше никого не нашёл. Вновь открыл шкаф и только сейчас понял, что попал в чужую гардеробную. На вешалках висели костюмы, плащи не только не моего размера, но даже отдалённо не напоминающие стиль тридцатых годов прошлого века. Я решил аккуратно осматривать вещи.

В одном из ящиков шкафа обнаружил несколько коробочек. Тут же валялось несколько запонок. И среди них очень похожая на ту, которую нашёл в пещере. Только эта была в нетронутом состоянии. Сунул находку в карман и осторожно вышел из комнаты.

– Олег! Я вас ищу! – послышался запыхавшийся голос костюмера Лады Данилюк. – Куда вы запропастились? Мы вам подготовили костюм. Идемте! – воскликнула она, хватая меня за рукав.

Я оглянулся и заметил маленькую табличку на двери: «Д. С. Верховланцев».

Лада привела меня в костюмерную. Положив на кушетку вешалку с костюмом, вышла. Я быстро прошёлся, открывая дверцы шкафов, отдёргивая портьеры. Наверно, выглядел настоящим параноиком с манией преследования. Успокоившись, облачился в роскошный костюм, повязал лёгкий шарф. Через пять минут послышался деликатный стук в дверь, Лада вернулась и оглядела профессиональным взглядом.

– А на вас костюм лучше сидит, чем на Северцеве, – задумчиво пробормотала она, словно разговаривала сама с собой. – С ним как не старались, ничего не выходило.

Я понял, это не комплимент, а чувство гордости за свою работу. Для Лады я был лишь манекеном, на котором хорошо сидела созданная ею одежда. Я одёрнул ещё раз пиджак, взглянул в высокое от пола до потолка зеркало, и вышел в коридор, стараясь держаться соответствующе костюму. Прошёлся до гримёрной мамы Гали, постучал.

– Заходи, Олежек, – сказала она. – Я тебя давно жду. Поесть не хочешь?

– Нет, спасибо, – ответил я, с раздражением вспомнив, что не захватил с собой ничего съедобного и придётся опять пользоваться любезностью гримёра.

– Ты только не стесняйся, – будто услышав мои мысли, проговорила она мягко. – Мне самой приятно.

Присел за столик и мама Галя начала причёсывать меня.

– Знаешь, Олежек, хочу дать тебе один совет. Ты можешь не слушать, конечно. Но я помочь тебе немножко хочу. Тебя, наверняка, учат премудростям актёрской игры. Но ты постарайся забыть об этом. И играть себя, просто себя, в предлагаемых обстоятельствах. Тебе станет сразу легче.

Я взглянул в глаза мамы Гали в зеркале и вдруг понял, как я, дилетант, смогу вписаться в этот ансамбль со звёздами-профессионалами. Действительно стало легче на душе. Загримированный я вышел в коридор, прошёлся до вывески над входом в кафе, постучал в дверь. Она отворилась, и я увидел Лифшица, стоящего на пороге. Он тихо сказал мне:

– Заходите! Садитесь вон за тот столик, ближе к сцене.

Звучала глухая фонограмма музыкального сопровождения, стрекот камер, Верховланцев отдавал указания. Я сделал шаг по направлению к столику и чуть заметно вздрогнул, услышав чарующее пение. Без сомнения, голос, завораживающей яркой чувственностью, принадлежал Милане, стоящей в круге света на эстраде. Я присел за столик и с удовольствием включился в процесс. Она пела что-то по-английски, выразительно-эмоциональное, зажигательное, грациозно двигаясь в такт мелодии. Это всегда сводило с ума. Шевельнулась в груди ревность. Я её хотел, безумно хотел, а она принадлежала кому угодно, только не мне.

– Стоп! Молодцы, – с большим сожалением услышал я голос Верховланцева.

Милана сошла со сцены и присела за мой столик, поправляя причёску.

– Ну как? – спросила она. – Понравилось?

– Потрясающе, – сказал я совершенно искренне. – Обожаю ваш голос. Вы могли бы в Ла Скала петь.

– Спасибо за комплимент, – почему-то с грустью сказала она.

Рядом возник Верховланцев. Исподлобья оглядев меня, пробурчал:

– Ну, неплохо, неплохо получилось. Сейчас будем сцену репетировать. Милана, иди, переоденься. И грим поправь. Олег, сценарий читай.

Проводив Милану взглядом, он плюхнулся за столик, и снисходительно спросил:

– Нравится тебе Милана?

– Да, она здорово поёт.

– Поёт, – протянул он насмешливо. – А что ты на неё так смотришь, будто готов её в постель утащить прямо со сцены? – в голосе звучали откровенно раздражённые нотки.

– И что? – не понял я. – Она очень красивая женщина. Я просто играл, как вы сказали.

– Игрок тоже мне. Из тебя игрок, как из говна пуля. Слушай, Верстовский, – он наклонился ко мне, схватился за пуговицу на моем пиджаке. – Ты тупой или валенком прикидываешься? Наивный чукотский юноша. Милана – моя жена. Если узнаю, что ты с ней шуры-муры крутишь, яйца тебе оторву. Понял?

– Понял. Мне даже в голову не приходило...

– Хватит врать, – зло оборвал меня Верхоланцев. – Пойди вон до того молодого человека за столиком, в очках и наушниках, и погляди в монитор на свою физиономию. Давай, сценарий читай. Сорок вторая страница.

Он встал, аккуратно задвинул стул и, бросив на меня злобный взгляд, ушёл. Я уткнулся в сценарий, но сосредоточиться никак не мог. Вспомнил о записке, которую нашёл в гардеробной Верхоланцева. А что если Северцев позволил себе «шуры-муры» с Миланой? Это мотив. Верхоланцев так стремился прикормить меня, ставку выбил почти звёздную. Я случайно узнал, что пятьсот баксов за съёмочный день получают малоизвестные, но профессиональные артисты с большим стажем, но никак не журналист. Тем более, Верхоланцев такая крупная величина, что актёры сами готовы заплатить, лишь бы сняться у него. Он сделал это, потому что жаждал узнать, не нашёл ли я улики, которые изобличали бы его, как убийцу. Мне стало не по себе. Если Верхоланцев расправился с Северцевым, звездой первой величины, то уж, что говорить обо мне?

– Олег, здесь нельзя курить, – услышал я голос Лифшица.

Я непонимающе воззрился на него, с трудом переходя от своих мыслей к реальности.

– Затухните сигарету, – повторил он.

Я, наконец, понял, что он сказал, скомкал окурки и оглянулся в поисках мусорной корзины, но ничего не нашёл, а кидать на пол в студии, не хотелось. Начал бродить между столиками, вышел в коридор в поисках сортира. Увидев стилизованное изображение мужика, хотел открыть дверь, и вдруг услышал голос Верхоланцева, идущий из комнаты напротив:

– Все нормально, Давид. Все нормально.

– Дима, не забывай, ты мне сильно задолжал, – послышался голос Розенштейна. – Ты говорил с ним на эту тему?

– Нет пока. Поговорю.

– Что значит – поговорю? – голос Розенштейна звучал очень раздражённо. – Ты должен был с самого начала ему сказать! Без этого наша сделка не действительна! Запомни! А если он откажется, дальше платить ему будешь из своего кармана! После того, как Северцев коньки отбросил, я горю, как свеча. Ты это понимаешь?

– Кто же виноват, что он преставился? А, Давид? – поинтересовался ядовито Верхоланцев.

– Никто не виноват, – зло буркнул продюсер. – Ох, Дима, мне ещё надо с ментами дело уладить. Господи Иисусе, как мне все это надоело.

Послышался скрип открываемой двери, и я шмыгнул в туалет. О ком говорили продюсером с режиссёром? Наверняка, обо мне. Интересно, и в чем таком я должен участвовать? Значит, Розенштейн согласился платить мне такую ставку неспроста. И придётся отработать её. Очень надеюсь, что не в борделе.

Я вернулся на площадку, где уже поменяли освещение, передвинули камеру к одному из столиков. Милана переделалась в другое платье – блестящее, обтягивающее её прелести, как змеиная кожа. Надо просто быть педиком, чтобы не хотеть эту женщину. Я сел за столик, как было нужно по сценарию.

– Так, Милана, все то же самое, что с Северцевым, – рядом возник Верхоланцев. – А ты, итальянский мачо, сыграешь нам на балалайке, – произнёс он с издёвкой, обращаясь ко мне. – Ну чего уставился? Тебе, Верстовский, не итальянских мафиози играть, а быдло с сохой. Собрись.

Тоже мне Отелло хренов. Будто я давал повод. Специально затащу Милану в постель, чтобы стареющему индюку было, за что меня ревновать.

Милана вышла из служебного помещения, села за мой столик. Закурив тонкую сигарету, хорошо поставленным голосом спросила:

– Франко, когда ты, наконец, оставишь нас в покое?

– Никогда, – ответил я. – Малышка, что ты нашла в этом ублюдке?

– Не смей говорить о нем так! Ты его мизинца не стоишь! Он лучше тебя во всем. Талантливый пианист и честный, порядочный человек!

– Я тоже талантливый, – я усмехнулся. – Никто в Чикаго, может быть, во всех Штатах, не умеет так артистично вскрывать сейфы. И раньше тебя устраивала моя нечестность. Я грабил банки только ради тебя. И мог в любой момент завязать. Мне ведь многого не нужно. Ты знаешь. Но тебе нравилось находить утром букет свежих орхидей и вазочку со свежей клубникой. Даже зимой. Ты сможешь обойтись без этого? – спросил я насмешливо, откидываясь на спинку кресла. – А также без финтифлюшек с бриллиантами, изумрудами, рубинами, шикарного Кадиллака и дорогого белья?

– Обойдусь, – спокойно сказала Милана. – Франко, я больше не люблю тебя. Ты должен это понять. Я не кукла, не вещь, которой ты можешь безраздельно владеть. У меня есть чувства, душа, наконец. Ты должен с этим считаться.

– У меня тоже есть чувства и душа, – я взял Милану за руку, стал нежно целовать тонкие, нервные пальцы, что не предусматривалось в сценарии. – Люблю тебя так, как никто никогда не будет любить.

Милана чуть заметно растерялась от моей отсебятины, но быстро нашлась. В глазах зажгётся неподдельный интерес.

– Если ты меня по-прежнему любишь, то отпустишь, – сказала она по сценарию.

– Никогда в жизни! Я его пристрелю.

– Даже, если ты его убьёшь, не сможешь вернуть меня! – произнесла Милана свой текст. – И закончишь свою жизнь на электрическом стуле!

– Белла, ты бы с удовольствием посмотрела бы, как меня на нем поджаривают? А?

– Я этого не говорила.

– Но представила. В твоей любви ко мне всегда был элемент садизма. Тебе нравилось меня мучить. До смерти.

– Стоп! – крикнул Верхоланцев.

Я встал из-за столика и мрачно проговорил, делая вид, что смущён:

– Извините меня за самодеятельность. Этого больше не повторится.

– Дурак ты, Верстовский, – проговорил главреж снисходительно. – Именно так и будем снимать. Кирилл, приготовься, – обратился он к оператору. – Повторить сможешь? – спросил он уже меня.

Я кивнул, сел за столик. Возле Миланы суетились гримёры, поправляя грим взмахами больших кистей. Я не понимал, зачем это делать, она выглядела сногшибательно. Я объяснялся в любви на глазах её мужа-режиссёра, мысленно заключив себя и Милану в цилиндр с зеркальными стенами, в которых отражались только мои чувства. И ощущал необыкновенную лёгкость и гармонию. Мы повторили весь диалог, я дошёл до слов любви, взял её руку и опять стал нежно целовать.

– Стоп! – заорал Верхоланцев, заставив меня вздрогнуть. – Откуда посторонние на съёмочной площадке! Немедленно убирайтесь!

В дверях нарисовалось двое рослых широкоплечих молодцов в сопровождении Розенштейна, выглядевшим на их фоне карликом.

– В чем дело, Давид? – удивился Верхоланцев.

– Мельгунов приехал. Быстро все организуй для съёмок. Он долго ждать не будет.

– Пошёл он в задницу! – проорал Верхоланцев. – Пусть уматывает обратно на свои Канары, ублюдок!

Розенштейн, схватив его за рукав, отвёл в сторону, они начали громко ругаться. К нам подскочил перепуганный, иссиня-бледный как покойник, Лифшиц и быстро, запинаясь от волнения, пролепетал:

– Милана Алексеевна, останьтесь. Олег, вам придётся выйти.

– Может мне домой уехать? – поинтересовался я с долей иронии.

– Нет-нет, вы можете понадобится. Не уходите далеко.

На лице Миланы появилась брезгливая гримаса. Продолжив линию её взгляда, я обнаружил в проёме двери брюнета в гавайской рубашке, с накинутым на плечи розовым пиджаком с набивным рисунком из цапель. Он нежно держал за руку смазливового белобрысого юношу с еле пробивающимися усиками, одетого в тёмную рубашку с ярко-алыми всполохами,

– Быстро освободить помещение! – услышал я чей-то зычный голос. – И проветрить! Немедленно! Почему дерьмом воняет?

В середине площадки возвышался бугай в мешковатом костюме и тёмных очках. Безумно хотелось сказать, что до того, как на площадке появились новые персонажи, воздух был приятный и вполне свежий. К брюнету подскочил кто-то из обслуживающего персонала с серебряным подносом, на котором стояла фарфоровая чашечка и высокий стакан с ярко-оранжевой жидкостью. Мельгунов манерным движением снял чашечку и поднёс к губам. Вокруг него засуетилась куча народа.

– Убрать всех фотографов! – гаркнул один из сопровождающих Мельгунова орангутангов. – Быстро!

Мельгунов аккуратно поставил чашечку на поднос и, нежно взглянув на юношу, медленно пошёл в сторону громко матерящихся режиссёра и продюсера. Остановился поодаль, и, наклонив голову, понаблюдал за их бурным диалогом.

– Дмитрий Сергеевич, дорогой, я так рад тебя видеть! – заявил он, вызывая тошноту наигранностью.

Верхоланцев замолчал и, бросив гневный взгляд на Мельгунова, процедил сквозь зубы:

– Кажется, Игорь Евгеньевич, ты сильно болен. Или я ошибаюсь?

– Да, я был очень болен. И документ имеется, – сказал Мельгунов с придыханием, доставая из кармана расфуфыренного пиджака сложенный лист. – Посмотри, тут все. Очень надеюсь, что тебя это удовлетворит.

Верхоланцев выхватил из рук Мельгунова бумагу, развернув, пробежал глазами. Было видно, он на взводе. Готов разорвать бумажку на мелкие клочки и бросить в физиономию новоприбывшего премьера.

– Ну что, Дмитрий Сергеевич, – поинтересовался Розенштейн. – Надеюсь, конфликт улажен? Отлично. Всех посторонних прошу освободить помещение! – громогласно приказал он.

Я не стал испытывать терпение неожиданно явившийся с Канар мегазвезды и вышел в коридор.

– Игорь Евгеньевич приехал! – услышал я восторженный шёпот.

В дверь лезли дамочки всех возрастов и комплекции, пытаясь заглянуть внутрь.

– Ой, какой красивый! У меня голова кружится. Улыбнулся! Посмотри. Боже, какая улыбка. Сплошное очарование. Боже, я сейчас в обморок упаду. Какой магнетизм, энергетика.

Переодевшись в джинсы и рубашку, я решил прогуляться по павильону. Заметив вывеску с надписью «Бар», направился по стрелке. Арочный проход закрывала металлическая ширма.

Заметив, что она приоткрыта, проскользнул внутрь. Оказавшись в коридоре, освещённым мягким светом, я поразился великолепию интерьера – пол, выложенный мраморной плиткой, стены обшиты темно-бордовым гобеленом, с плакатами, стилизованными под рекламу начала прошлого века. Медленно прошёл дальше, ожидая окрика: «Посторонние на площадке!», но меня никто не остановил.

Коридор закончился уютным баром. Около высокого окна, представлявшего собой аквариум с зелёными, бурыми водорослями и стайками яркоокрашенных тропических рыбок, стояло несколько столиков и высоких табуретов. Я никого не обнаружил за стойкой, но, кажется, бармен ушёл только что, оставив несколько бутылок и шейкер.

Решив подождать его, присел за столик. Вытащив сценарий, начал просматривать, стараясь читать все, не только то, что было подчёркнуто жёлтым маркером – мои реплики.

Лёгкий шум привлёк моё внимание, будто по потолку полз здоровенный червь или удав, осыпая штукатурку. Машинально обернулся, заметив загримированного под зомби человека в замусоленном костюме. Он утробно прорычал и бросился на меня. Великолепная реакция позволила избежать жутких крюков – продолжение рук, которыми он собирался вцепиться в меня.

– Ты что, очумел?! – я вскочил на ноги.

Схватив высокий табурет, отшвырнул шутника в сторону. Он свалился на пол, и начал барахтаться, пытаясь подняться. Послышался скрежет. Я поднял глаза и заметил, как в потолке открылся люк, и оттуда спрыгнула странная тварь, смахивающая на паука. Мерзко ухмыляясь, направилась ко мне. Что за хрень тут снимают?! Я не слышал стрекота камер, не заметил ни одного осветительного прибора.

Я ринулся обратно к выходу, и похолодел от ужаса – тускло отсвечивая металлом, проход закрывали массивные ворота. Я начал колотить в них, кричать. Мёртвая тишина. Развернулся, прижавшись спиной к ледяному металлу. Оцепенев от ужаса, я наблюдал, как гнусно ухмыляющиеся мерзавцы приближаются.

Глава 6

Я огляделся по сторонам, пытаюсь найти хоть какое-то оружие. В углу валялся красный баллон. Одним прыжком оказался рядом, и, схватив его, размахнулся, что ей силы припечатал по башке одного из уродов, отшвырнул другого, шмякнув об стену. Они быстро вскочили на ноги, дьявольски посмеиваясь, начали приближаться. Держа наперевес смятый баллон, я уже прощался со своей молодой жизнью, когда услышал шипящий звук. Из потолка выпала блестящая, металлическая сетка, и накрыла уродов. Раздался треск электроразрядов, вырвался ослепительно-яркий фейерверк искр. Нападавшие попадали друг на друга, запутались в сетке, начали биться в конвульсиях и замерли. Я услышал скрип отодвигаемой ширмы, нащупал щель и выскочил в коридор. Прижавшись к стене, отдышался, подождал, пока сердце хоть немного успокоится и решил вернуться к съёмочной площадке. Подлетел к выходу в кафе и чуть не столкнулся с Миланой. Ярость мгновенно испарилась, и я как можно спокойней поинтересовался:

– Закончились съёмки?

– Нет. Мельгунов стесняется, – скривившись, произнесла Милана. – Пойдём что-нибудь выпьем. Достал он меня.

Я вспомнил бар, где на меня напали уроды и поёжился.

– А здесь есть куда пойти-то? – спросил я.

– Спрашиваешь.

Милана провела меня по узким, извилистым коридорам, освещаемым лишь тусклыми лампочками, а я удивлялся, как она уверенно ориентируется в этом лабиринте. Мы оказались на стилизованной улице, застроенной домиками с балюстрадами, на которые вели деревянные лестницы. Разъехались двери под неоновой вывеской, и мы прошли в кафе, уставленное массивными столами и лавками.

Я с облегчением вздохнул, когда увидел совершенно обычно выглядевших людей. Слышался тихий гул, висел сигаретный дым. Милана уверенно направилась в самый дальний конец помещения, распахнула дверь – я чуть заметно вздрогнул, вновь увидев за панорамным окном зелёные и бурые водоросли, в которых резвились блестящие рыбки.

– Пойду куплю что-нибудь, – предложил я.

– Возьми мне стакан апельсинового сока, пожалуйста.

Когда, мы удобно расположились за столиком, Милана с укоризной взглянула на мой стаканчик с виски и строгим тоном предупредила:

– Олег, не напивайся. Нам сегодня работать и работать придётся.

– Мне нервы надо успокоить, расслабиться, – объяснил я.

– Чего это вдруг? Мы только начали, а ты выдохся уже? Привыкай, по шестнадцать-восемнадцать часов сниматься. Это тяжёлый труд, а не развлечение.

– Я не от съёмок устал. Зашёл в бар, а на меня какие-то мерзкие уроды напали. Я еле выбрался, поцарапал рожу, руки.

Она внимательно взглянула на меня и спросила:

– Что за уроды? Может быть, тебе в медпункт сходить?

– Все в порядке. Я хотел в тишине и покое почитать сценарий. Только сел, как с потолка человек спрыгнул в костюме паука и напал на меня. Потом к нему ещё несколько штук присоединилось. В общем, хорошо так повеселился. Думаешь, я несу бред? – поинтересовался я, пытаюсь оценить по выражению лица Миланы, верит она мне или нет.

Она нахмурилась, пригубила сока и спросила:

– Это не съёмки были? Точно?

– Не знаю. Камер, софитов или техперсонала я не видел. Но рожи у них были загримированы под что-то жуткое, одеты в грязные, замусоленные костюмы. Ну как для фильмов о зомби делают. Но это явно не зомби были, слишком проворные. Что за хреновина здесь происходит?

– Не знаю, Олег. Место тут, честно говоря, странное. Лучше бы ты не ходил один. Ты плохо ориентируешься, а я знаю, куда можно, а куда нельзя проходить. Сейчас Мельгунов уедет, и мы опять начнём снимать. Приготовься. Господи, как он мне надоел! – вырвалось у неё с тихим стоном. – Носятся с ним, как с писаной торбой.

– Мегазвезда европейского уровня, – продемонстрировал я осведомлённость.

– Олег, прошу тебя! – воскликнула с болью в голосе Милана. – Зажравшийся, зазнавшийся, разжиревший боров! Ведёт себя так, будто все его глубоко достали. Ты знаешь, сколько его съёмочный день стоит?

– Пару тыщ, – предположил я.

Милана зло рассмеялась.

– Одиннадцать тысяч! Он за эту роль получит миллион! Появляется на площадке по большим праздникам. Но за каждый день получает. Репетировать терпеть не может. Сразу в кадр, что сыграть – не важно.

– Его публика любит, особенно женщины. Когда он приехал, бабы лезли со всех сторон, охали, ахали. «Игорь Евгеньевич выглядит потрясающе, у него такая энергетика и магнетизм», – добавил я, передразнивая фанаток.

Милана так тяжело вздохнула, будто у неё сердце разрывалось от тоски. Выпила сок и только потом, собравшись с силами, проговорила:

– Ему женщины до фонаря. Ты видел, с кем он приехал?

– С приятелем, – осторожно сказал я.

– Ага. С приятелем, – ехидно повторила Милана. – Таскает его везде за собой – в каждый фильм, спектакль. Если Ромочка не получит роль, Игорь Евгеньевич работать не будет. Мерзкий ублюдок.

– А тебе в эротических сценах сниматься придётся с Игорем Евгеньевичем.

– Хвала небесам – не придётся! – театрально воздев руки, изрекла она.

– Постой. Я видел в сценарии кучу таких сцен. Твоя же героиня уходит к нему по большей любви. Как же так? Или вы уже все сняли?

– Олежек, у него же дублёр есть для таких вещей, – лукаво улыбнувшись, объяснила она. – Мускулистый, в хорошей форме. Мачо. Из стриптиз-клуба. Чтобы Игорь Евгеньевич мог продемонстрировать рельефную линию ягодиц. Правда, зрители не догадываются, что чужую.

Какое-то время я не мог осознать, что она сказала, и лишь через паузу, подобрав упавшую челюсть, пробормотал:

– Как это? Я думал, дублёры только на сложных трюках заменяют актёров. Из самолёта прыгнуть, или из горящей машины выбраться.

– Для него любовная сцена с женщиной посложнее трюк, чем выбраться из горящей машины. Только, Олег, я тебе ничего не говорила, – вдруг помрачнев, быстро предупредила Милана. – Если журналисты пронюхают, то мне несдобровать.

Один журналист уже точно пронюхал, – подумал я с усмешкой. И хотел сказать милой собеседнице, что сексуальные девиации не по моей части, но решил не светиться.

– А что будет? – спросил я с иронией. – Убьют?

– Неприятности. Очень большие. И у меня, и у Димы, – объяснила Милана. – Ты не представляешь, какие влиятельные друзья у Мельгунова. И что они могут сделать.

– Например? Убить? Как Северцева? Я слышал, у него были серьёзные разногласия с Мельгуновым.

– Только профессиональные. Хотя, Гриша, конечно, таких, как Мельгунов терпеть не мог. Гриша был настоящим мужчиной. Сильным, надёжным, – добавила она, её голос дрогнул, я

подумал, что мои подозрения о связи Северцева и Миланы не безосновательны. – Но он бы никогда не стал бы трепаться о своих партнёрах в прессе.

– Я слышал, они часто ссорились. Ругались так, что пыль столбом стояла на площадке.

– Если ты думаешь, что Мельгунов мог убить Гришу, то ошибаешься. Этот слизняк на такие вещи не способен.

– Ну а дружки Мельгунова? Может быть, Северцев чем-то им не угодил?

– Зачем убивать Гришу? Это Мельгунова стоило прикончить! Гриша должен был играть главную роль, а Розенштейн отдал её Мельгунову. Видите ли, у него популярность больше. Знал бы ты, как Мельгунову создают эту популярность. Сколько денег вбухивают, чтобы поддерживать ореол великого гения. Зорко следят, чтобы ни одно критическое замечание не просочилось в интернет, или газеты.

– Ну, возможно, между Северцевым и Мельгуновым произошла очередная ссора и...

– Олег, почему тебя это так интересует?

– Любопытно же. Это же я нашёл тело Северцева в пещере.

– Какая разница теперь? Гришу уже не вернёшь. Кто его убил, уже совершенно не важно.

Милана ведёт себя странно, с одной стороны явно переживает из-за смерти Северцева, а с другой пытается защитить убийцу. Мужа?

– Прости, что сую нос не в своё дело, – я нежно руку Миланы. – Кстати, я без дублёра могу линию ягодич продемонстрировать. Собственную.

– Наивный ты, Олежек, – проговорила с усмешкой Милана, но руку не убрала. – Такие сцены – это тебе не как в жизни. Залез на бабу, получил удовольствие. Это тяжёлая работа.

– Я согласен на самую тяжёлую работу! – воскликнул я с пафосом. – А чтобы лучше её сделать, хочу прорепетировать. Для правдоподобности.

– Олег, хватит, наконец! Думаешь, актрисы – все поголовно шлюхи? Прыгают из постели в постель. Да?

– Нет, не думаю.

– Скажи честно, я для тебя очередная галочка в твоём блокнотике побед?

– Милана, я никогда ничего не обещаю. Кроме того, что со мной можно неплохо провести время. И совершенно не скрываю этого.

– Да пошёл ты! – буркнула она и отвернулась к окну.

Милана почему-то имеет на меня виды? А как же угрозы её мужа?

– Прости меня, – сказал я серьёзно. – Я ничего плохого не хотел сказать, неудачно пошутил.

Она повернулась ко мне, в её глазах светилась неподдельная печаль. Милана одинока и несчастна, со всей своей популярностью, знаменитым мужем-режиссёром. Всё есть – деньги, слава. Нет только счастья. Милана подняла глаза выше. Я тоже бросил взгляд и увидел Лифшица. Он шёл к нам, расплывшись в счастливой глупой улыбке.

– Мельгунов уехал? – поинтересовалась Милана, как ни в чем, ни бывало, хотя, казалось, секунду назад готова была разрыдаться от отчаянья. Железное самообладание.

– Да! – подтвердил радостно Лифшиц.

– Что-то слишком быстро, – проворчал я. – Неужели все снять успели?

– Ничего не успели. Стали репетировать, а Мельгунов сбежал, – объяснил Лифшиц.

Я изумлённо уставился на него.

– Как это – сбежал? Может он просто в сортир ушёл, – предположил я.

– Да нет. Сказал, что болит голова, он не в форме и сбежал.

Я представил физиономию Верхованцева и чуть не расхохотался. Мы вернулись на съёмочную площадку. Техники переставляли осветительные приборы, отражатели, устанавливали камеру. Я не заметил Верхованцева, наверно, он решил повеситься или застрелиться. Я вскочил на сцену, сел за чёрный рояль. Открыв крышку, наиграл пару нот.

– И что играть умеешь? – спросила Милана недоверчиво.

Она оказалась рядом, облокотившись на крышку, снисходительно изучала меня. Я провёл быстро по клавишам и стал наигрывать бодрый мотивчик. Конечно, получалось у меня плохо, но в глазах Миланы зажёгся интерес.

– И долго учился?

– Четыре года в музыкальной школе по классу фортепиано. Мама считала, что интеллигентный человек обязан уметь играть на рояле, – ответил я с притворной гордостью.

– Спой что-нибудь, – вдруг сказала она.

Я бросил взгляд на её лукавую улыбку, виски ударили в голову. Пробежался по клавишам и начал петь блатняк из репертуара Аркадия Северного:

*Мама, я лётчика люблю
Мама, я за лётчика пойду!
Он летает выше крыши,
Получает большие тьщи
Мама, я лётчика люблю!*

*Мама я жулика люблю
Мама, я за жулика пойду
Жулик будет воровать
А я буду продавать
Мама я жулика люблю.*

Милана звонко рассмеялась, показав во всей красе очаровательные ямочки и белые, идеальной формы зубки.

– Потрясающе! – отсмеявшись, сказала она. – Надо вставить в наш фильм. Как ты считаешь? Ну а серьёзное что-нибудь.

– Пожалуйста, – сказал я. – Не стреляйте в пианиста. Он играет, как может, – предупредил я.

*Я хотел бы пройти сто дорог
Но прошёл пятьдесят.
Я хотел переплыть пять морей, —
Переплыл лишь одно,
Я хотел отыскать берег тот,
Где задумчивый сад,
А вода не пускала
И только тянула на дно.*

Милана нахмурилась, и через паузу спросила:

– А вот это знаешь? «Не плачь, мой друг, не плачь. Никто не умирает»

– Да. Я почти весь репертуар Макара знаю. Но может не стоит? – засомневался я. – Давай я что-нибудь весёленькое сбацию?

– Спой! – приказным тоном сказала она.

Я встряхнул головой и начал:

*Пусть горе и печаль, церковной свечкой тают.
Последнее прости, последнее прощай...
Не плачь, мой друг, не плачь, никто не умирает...*

И не они, а мы, от них уходим вдаль.

*Пусть Бог нам положил до времени разлуку,
Но, если ты упал и враг нанёс клинок,
Они помогут встать и останоят руку
Разящего врага и взгляд их будет строг.*

Совершенно предсказуемо Милана захлопала носом, вытащила маленький платочек, уткнулась. Я мгновенно оказался рядом. Пытаясь успокоить, прижал к себе, но она вырвалась и убежала со сцены. Я ощутил себя полным идиотом. Зачем я её послушал? Обернувшись, я заметил Верхованцева мрачнее тучи. Видимо, он давно наблюдал за нашими играми.

Я подошёл к краю сцены, спрыгнул вниз.

– Ну и что же ты ей такое сказал, козел?! – буркнул он.

– На рояле сыграл.

– А на балалайке сможешь?

– Нет.

– А на барабане?

– На гитаре ещё могу. На шестиструнке. Больше ни на чем, – сообщил я твердо, чтобы прекратить идиотские расспросы.

– Молодец, – протянул он насмешливо. – А рожу-то где расцарапал?

– Бандиты напали.

– Бандиты? Ух, ты, – ехидно прокомментировал он. – Ладно, сейчас ты чуть больше на мужика похож, а не на пидора.

В душу, будто вода из прорвавшейся плотины, хлынула ярость, я готов был развернуться и со всей силы врезать ему по морде. Но меня осенило. Он говорил то, что хотел бы сказать Мельгунову, но не осмеливался. На мне, беззащитном, бесправном человечке, можно сорвать зло, а сказать правду в лицо мегазвезде главреж не решался. И бесился из-за этого. Сволочь. Я разозлился и с моих губ чуть не сорвался жестокий вопрос, за каким хреном он убил Северцева, которого так любила Милана.

– Переодевайся и гримируйся, – хмуро добавил Верхованцев, будто прочитав мои мысли.

Я вышел в коридор и направился к гардеробной, как вдруг меня схватил кто-то за рукав.

– Олег, мне нужно с вами поговорить, – услышал я хриловатый голос.

Я обернулся и увидел Семена Непогоду, сценариста.

– Это не займёт много времени, – добавил он, и на его унылом лице появилось заискивающее выражение.

Он отвёл меня в комнатушку. Сигаретный дым висел столбом, хоть топор вешай, в куче исписанных бумаг, пепельницы с Монбланом окурков возвышалась пишущая машинка. Неужели сценарист до сих пор пишет свои опусы на древнем аппарате?

– Олег, садитесь, – быстро проговорил он. – Курите?

Я подумал, что табачного дыма и так слишком много и помотал отрицательно головой.

– Дмитрий Сергеевич предложил увеличить вашу роль. Я решил посоветоваться с вами. Ваше видение, что бы вы хотели добавить.

Я опешил. После такого мерзкого отношения ко мне главрежа, тот решил увеличить мою роль? Видимо, Мельгунов его довёл до ручки.

– Я бы хотел, чтобы мой персонаж выглядел благородней что ли. Не просто разбойник с большой дороги, а человек, способный на что-то хорошее, великодушный поступок.

– Так-так. Это интересно. И что именно вы хотели бы?

– Ну, скажем, этот пианист, к которому ушла Белла, убил кого-нибудь. Случайно. Белла обратилась бы за помощью к своему другу. Франко пытается замаскировать следы убийства,

но все равно полиция выходит на след пианиста, и Франко берет все на себя. И его казнят потом, на электрическом стуле. Можно сделать под конец, что Белла флэш-бэком видит разные эпизоды из прошлой жизни, вспоминает о прошлой любви. Потом надпись: «Франко Лампанелли был казнён такого-то числа». Не слишком мелодраматично?

Сценарист выслушал параноидальный бред о розовых соплях, уставился на меня, и проговорил, как показалось, с восхищением:

– Олег, вы не пишете книги?

Я ощутил неловкость от того, что сценарист воспринял мою чушь всерьёз. И лишь пожал плечами.

– Нет, не пишу. Может быть, ещё постельную сцену вставить стоит. Все-таки показать, что Франко и любовник был неплохой.

Непогода взглянул задумчиво на меня.

– Вы знаете, Дмитрий Сергеевич отрицательно относится к подобным вещам. Но я постараюсь. Спасибо, Олег за ценные советы.

Я вернулся на площадку, и мы сняли, наконец, злополучную сцену, на которой прервались, когда приехал Мельгунов. Верхованцев почти не вмешивался. Мы сделали пару дублей Миланы, потом меня и главреж устало бросил:

– Ладно, перерыв. Потом другую сцену будем репетировать.

К нему подскочила Лиля и стала шептать ему что-то с таким выражением лица, будто через пять секунд наступит Апокалипсис. Верхованцев матерно выругался, потом взглянул на меня и буркнул:

– Ты, пианист хренов, сядь за рояль и сбациай что-нибудь.

Я разозлился, издевательские слова оказались последней каплей. Ни слова не говоря, я снял пиджак, зацепив за петельку, забросил за спину и демонстративно направился к выходу из кафе.

– Ты что оглох? – поинтересовался Верхованцев с долей удивления. – Куда пошёл?

– Я вам не быдло, чтобы меня мордой по столу возить, – огрызнулся я.

Я ждал, что он разразится потоком матерных ругательств, заорёт, чтобы я выметался со студии. Выгонит навсегда. Но вместо этого Верхованцев произнёс с иронией:

– Звёздная болезнь началась? Ладно, Олег, не обижайся, – добавил он дружелюбно. – У нас пианист заболел, надо снять пару кадров. А ты я вижу, хорошо умеешь на рояле играть. Ну чего уставился. Что мне перед тобой на колени встать?

– А по-человечески нельзя относиться? – буркнул я.

Он подошёл ко мне, приобнял за плечи, отвёл в сторонку. Улыбаясь в усы, тихо спросил:

– Ты за «пидора» обиделся что ли? Олег, ну ты ж мужик, разве такая глупость может тебя задеть? Это шутка была. Ну, извини, я сорвался. Что я тебе скажу, я нашему сценаристу предложил твою роль увеличить, потому что ты вписался в нашу команду. Молодец. Да, бывает, что я ору. Но я ору на всех, потому что всех вас, засранцев, люблю. Давай дуй в гардеробную, чтобы тебе роскошный фрак выдали.

Через полчаса я сидел за роялем, рядом суетились техники, выставили камеру.

– Кирилл, спину снимешь и крупный план рук. Понял? – отдавал приказания Верхованцев.

Лиля поставила на пюпитр пачку нот, от чего мне стало хреново. Но Верхованцев, увидев на моем лице растерянность, проронил:

– Играй что хочешь. Не переживай.

Когда начали съёмку, краем глаза я замечал, что Верхованцев все больше мрачнеет, будто моя игра его раздражала. Я внутренне сжался, ожидая окрика: «Эмиль Гилельс хренов, играть не умеешь, а берёшься».

Но он молчал, лишь отдавал короткие указания Кириллу, который снимал мои пальцы, бегавшие по клавиатуре рояля.

– Стоп. Снято! – наконец, воскликнул Верхованцев, и добавил: – Молодец, Олег. Сегодня выпишем тебе двойную ставку. Иди отдыхай.

Я спустился вниз и на выходе из павильона столкнулся с длинным, тощим, как швабра, мужиком, одетым в наглухо застёгнутый темно-серый костюм. По его выправке сразу понял, что это мент.

– Господин Верстовский? – спросил он глухим, металлическим голосом. – Виктор Николаевич Звягинцев, старший следователь. Я должен с вами поговорить. По поводу убийства Северцева. Пройдёте.

Звягинцев провёл меня по коридору, и мы оказались в комнатке без окон, где стоял лишь металлический стол и два стула напротив. Около стены скучал здоровенный амбал в полицейском форме, что мне совершенно не понравилось.

– В каких отношениях вы были с господином Северцевым? – ошаршил следователь.

– Да ни в каких. Я видел его только мёртвым, нашёл в гроте тело.

– Как же так? Вы же заменили его в этой роли. Это нам известно.

– Это произошло совершенно случайно! Я приехал в гости к своим друзьям. Гулял по берегу, зашёл в пещеру, нашёл труп. О чем честно сообщил в полицию. Всё!

– Почему вы так сердитесь? – глухо произнёс Звягинцев, пристально изучая меня. – Вы в составе съёмочной группы, погибает актёр, вы занимаете его место.

– Вы что обвиняете меня, что я его убил, потому что хотел роль получить? Чушь! Я даже не актёр, я – журналист. Приехал отдохнуть. Случайно оказался на съёмочной площадке, они искали актёра на замену. Я подошёл, рост и вес у меня такой же, как у Северцева.

– Откуда вы знаете вес Северцева?

– Потому что размер у меня одинаковый, его костюмы мне идеально подошли, даже перешивать не пришлось.

– Удивительно, не правда ли? – следователь откинулся на спинку стула, не сводя с меня глаз. – Вы случайно приезжаете в город. Случайно попадаете на место преступления. И случайно получаете роль убитого актёра. Не слишком много случайностей?

Безумно захотелось долбануть придурка по башке стулом, и стоило огромного труда взять себя в руки.

– А в каких отношениях вы с Миланой Рябининой?

Я озадаченно взглянул на него:

– Ни в каких.

– Вот как. Очень красивая женщина. Вы её партнёр. По нашим данным у неё с Северцевым была связь. Двое мужчин, одна женщина.

Я подумал, что следователь начитался Агату Кристи и разыгрывает передо мной пьесу «Мышеловка».

– Вы забыли о муже Миланы. У него как раз и был мотив убить Северцева, – саркастически проронил я. – А я тут совсем ни при чем. Я появился в городе после убийства Северцева, и даже не подозревал о том, что он снимается здесь. Послушайте. Вы что разыгрываете карту – поскольку я нашёл тело, обвинить меня в убийстве? Чушь собачья!

– И почему вы так нервничаете? – в голосе следователя звучало нескрываемое ехидство.

– Это говорит о моей вине? В следующий раз, когда найду мертвеца, никогда в жизни в полицию не позвоню. Вместо того чтобы заниматься поисками убийцы, дурью маетесь.

– Нам лучше знать, чем заниматься. Распишитесь в протоколе. И никуда не уезжайте из города до конца следствия.

– Это почему? Когда моя командировка закончится, я уеду. Или я арестован? Я – подозреваемый?

– Вы ценный свидетель, – сказал Звягинцев.
Я поёжился от его ледяного взгляда. Вляпался я в эту историю основательно.

Глава 7

– Милана, я люблю тебя.

Эти слова вырвались так неожиданно, что я испугался, а Милана с усмешкой изрекла:

– И на что только мужчина не идёт, чтобы затащить женщину в постель. Даже признается в любви.

– Ты не веришь? – я нежно сжал её руку. – Могу доказать. Милана. Вижу, ты очень несчастна со своим мужем. А я дам тебе то, в чем ты нуждаешься. Хочу признаться – я не студент театрального вуза, а журналист. Уже давно состоявшийся, семь лет работаю в журнале. Пишу статьи на паранормальные темы. И неплохо зарабатываю. Конечно, ты не будешь жить, как королева, но я сделаю для тебя всё, что в моих силах.

– Я не верю ни одному твоему слову, – она лукаво улыбнулась. – Ладно, я дам тебе то, чего ты хочешь. Пошли.

Она схватила меня за руку, потащила куда-то по узким проходам с тусклыми лампочками. Мы оказались в широком арочном коридоре из стекла на металлическом каркасе. Я подошёл ближе и замер от удивления. За прозрачной стеной со дна океана вырастали башни, искажённые толщей морской воды. С ярко горевшими окнами и неоновыми вывесками на фасадах. Потрясающее зрелище.

– Впечатляет? – воскликнула звонко Милана. – Мы все время находились здесь, только окна закрыты щитами.

– А когда их открывают?

– Когда сюда приезжают избранные гости. Идём.

Мы прошли по стеклянному арочному переходу, миновали улицу, застроенную деревянными двухэтажными домами. Остановились около входа.

Распахнулись двери, мы оказались в холле, наверх вела широкая лестница. Милана помашила меня за собой. Мы начали подниматься по скрипучим ступенькам. Вышли в коридор с широкими окнами, из которых открывался великолепный вид на океан – на изрезанных морской водой каменистых террасах росли светящиеся водоросли розового, красного, ярко-голубого цвета, полипы, причудливо ветвящиеся кораллы, резвились экзотические рыбки. Милана подвела меня к дверям с изящными вставками из резного дерева, набрала код. Из коридора прошли в крошечную спальню, освещённую мягким розовым светом. Милана мгновенно разделась, и расположилась на широкой кровати во всей красе обнажённых прелестей.

– Ну что ты стоишь? – усмехнулась она. – Быстрее. Иначе наше исчезновение заметят.

Я сбросил одежду, оказался рядом, впился в её мгновенно распухшие губы, ощущая их сладкий вкус. Погрузился в пьянящий аромат её духов – густой, насыщенный тон ванили, свежест лимона и мяты. Она застонала, словно от боли, когда я овладел ею, прижала к себе. Мне стоило невыносимого труда сдержаться. Я замирал на мгновение, чтобы не дать бушевавшей страсти вырваться раньше времени. Мы слились воедино, дыша в такт. Милана тяжело дышала, все громче стонала.

Кто-то грубо схватил меня за плечи и шмякнул изо всех сил об стену, так что из глаз посыпались искры, а рот наполнился кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.